

Кирилл МИНИН

ПУЛИ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

@ЭЛИТА

16+

Кирилл Минин

Пули дороже жизни

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Минин К.

Пули дороже жизни / К. Минин — Электронное издательство "Аэлита", 2014

Это мир, который был разрушен и начал строиться заново. Это мир, где воздух не остыл от прошлых катастроф. Это мир, где холодное оружие предпочтительнее огнестрельного. Это мир, где пуля стоит дороже жизни человека. Один бывалый наёмник находит, наконец, возможность жить спокойной оседлой жизнью, он отправляется за мечтой на север, по пути встреча двух бывших друзей, бывших ли? Один никак не может простить предательство и ищет пути восстановить свой статус-кво, а другая, подруга, считает своим долгом помочь всем и каждому, совершенно не задумываясь, стоит ли вмешиваться в устои и принципы этого Мира, в котором пули дороже жизни.

Содержание

Мир, в котором пули дороже жизни	6
Вступление	6
Встреча в таверне	7
Испорченная дуэль.	12
Мирные переговоры	17
Байки перед сном	25
Рынок рабов	30
Чёрные мстители	38
Зализывая раны	43
Белые мстители	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кирилл Минин

Пули дороже жизни

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мир, в котором пули дороже жизни

Вступление

Действие происходит в 3153 году. Человечество к тому времени пережило атомную войну, скрывшись на долгое время в подземных бомбоубежищах, пока адское пламя пожирало всё, что осталось на поверхности.

Запасы провизии были не бесконечны, и, в конце концов, пришлось открыть двери в заражённую пустыню. Города разрушены до основания, сравнялись с землёй, а огненные смерчи и бури за многие годы успели накрыть города песчаным одеялом. Но на мёртвой земле удалось вырастить пищу, удалось заново приручить чудом выживших животных, а жизнь людей перекочевала из подземелий в лагерь.

Но порядок и дисциплину сохранить не удалось. Это в бомбоубежищах каждый угол фиксировался камерами наблюдения. В лагерях довольно быстро возобновились грабежи и убийства.

Тогда появились изгои, ушедшие, либо изгнанные. Изгои объединялись, превращаясь в бандитов-рейдеров. Лагеря и так проводили периодические перестрелки друг с другом за выгодные позиции или места. А с появлением бандитов перестрелки переросли в кровопролитную войну, которая забирала тысячи жизней безо всякого разбора.

Но за расточительным огнём и отсутствием заводов становилось всё более понятно, что свинца на всех людей не хватит. Даже те редкие случаи, когда удавалось выкопать из земли сейф или (что происходило ещё реже) найти вход на склад, всё равно не восполняли дефицит. Кузнецы пытались воссоздать что-нибудь, что можно зарядить в оружие, но не имея чертежей, точных приборов, раз за разом терпели неудачу, ломали оружие, тратили силы и в конце концов бросили бесполезное дело. С тех пор почти никто не пытается исправить свинцовую проблему.

Дальнейшую войну было просто невозможно вести – невыгодно. Война утихла. Её заменили редкие локальные стычки да рейды с целью разбоя. В наступившее мирное время стремительно начала развиваться торговля, а с ней установилась единая валюта – монетная. И не важна принадлежность монеты, цифра определяла ей полную ценность. Бумажные деньги деньгами не считались – портились быстро.

В период наступившего затишья поселения свободно расширялись, развивались. Взаимоотношения людей усложнялись, образовывались различные социальные слои. А цена на пули по-прежнему неуклонно росла. В бою всё чаще использовалось просто самодельное, либо холодное оружие: мечи, копья, луки, арбалеты.

Такой порядок вещей удерживался на протяжении четырёх поколений.

Встреча в таверне

«Проспиртованный фитиль» – называлось заведение. А на двери табличка: «Если вы не можете прочесть название таверны, значит вы и так уже пьяны». Я читал название без труда, а потому смело вошёл внутрь.

В нос сразу ударил запах алкоголя, смешанного с недопереваренной едой. На уши давил неразборчивый гул пьяных разговоров, раздражающих до первой рюмки. Гуляющий по поводу и без повода народ занимал почти все столы. Кто-то перебирался от компании к компании, прогибаясь под низкие и толстые деревянные балки, поддерживающие невысокий потолок. К счастью, я не собирался задерживаться в общем зале. Снять на ночь комнату и забрать ужин с собой – вот всё, что мне сейчас нужно.

Владелец заведения стоял за барной стойкой в дальнем конце зала и сторожил выпивку. Сам с брюшком, в коричневой безрукавке, небритый и наполовину лысый. Я выложил на стол перед барменом гранату и сказал:

– Мне нужен ужин и комната на ночь.

Бармен поднял гранату, взвесил в руках, покрутил в пальцах, с интересом изучая и оценивая.

– Простенькая она. И ржавенькая чуток. Потянет где-нибудь на 250 единиц.

– Рейдеры на окраине города так не считали, когда окружили меня.

Бармен мрачно поставил гранату на стол. В глазах его была досада... Блин! Идиот! Похоже, те парни часто захаживали сюда и самого хозяина заведения не трогали. Мстить за потерянных клиентов он, скорее всего, не будет, но плату сдерёт по полной. А я, дурак, когда хвастался, ещё на скидку рассчитывал...

– Всех положил? – мрачно спросил бармен, акцентировав взгляд на катане у меня на поясе.

– В спину могли выстрелить... – ответил я с наигранным сочувствием.

– Они, так-то, нормальные ребята были, просто...

– Совсем на мели, – закончил я за бармена. Конечно, не факт, что он именно это хотел сказать.

Вообще, глупо с его стороны ожидать, что я не осмотрю трупы. Но у ребят не было ни пуль, ни денег. Все ценности оставили дома, а с собой взяли лишь ржавые ножи да затупившиеся мечи. А мне такое добро на хрен не нужно. Весит много, а цены особой не имеет. И дешевет с каждым днём.

– Идиоты, – выдохнул бармен и поставил на стол пару рюмок. Обе до краёв наполнил водкой. – За счёт заведения... не чокаясь.

Мы подняли стопки. Осушив до дна, поставили на стол. Я ожидал, что мне ещё нальют, но вместо этого бармен спросил:

– Сильно задели? – он кивнул на следы крови, оставшиеся на стекле. Я показал неглубокий порез вдоль большого пальца.

– А-а, сам виноват. Почти зажило.

– Тебе стоит на всякий случай показаться доктору. Воздух – то ещё грязный, – говорил хозяин заведения, словно позабыв про убитых рейдеров.

– По-моему, здесь нет ничего серьёзного, – убрал руку со стола. Бармен поманил меня пальцем и тихо произнёс:

– У нас в городе недавно появился чудо-доктор с золотыми руками. Лечит всё, на раз определяет, что и в чём дело. Ты бы зашёл к нему. Он тебя быстро осмотрит и сразу скажет, есть ли о чём беспокоиться.

– Ну, и как Её зовут? – спросил я, подчеркнув предпоследнее слово. Бармен отпрянул удивлённо.

– Ты, что, её знаешь?

– Так ты к Ней собрался меня отправить? Развлекалово такое?

Бармен заразительно засмеялся взахлёб, держась за живот, а чуть успокоившись, весело произнёс:

– Ты бы видел лица новичков, которым удавалось сбежать от неё. В нашем городе всего на пару дней, а столько эмоций!

– Да уж, представляю! – я смеялся с ним заодно. – Только меня к ней отправлять не нужно! Я рану на скорую руку и так обработал – нормально заживёт.

– Как хочешь, брат, как хочешь! – бармен потрепал меня по плечу через стол и добавил: – А то бы прямо тут подождал, она ко мне в бар время от времени захаживает.

Я не сразу вник в смысл его слов, но, понимая, переставал смеяться, а мысли становились всё более серьёзными. Зато бармен сильнее ржал. Так дело не пойдёт. Это незнакомых людей она лечит, только если её об этом попросят. У друзей она разрешения не спрашивает, а отказов не принимает. Я совсем посерьёзnel и сказал:

– Тогда не хочу тут задерживаться. Давай ключи от комнаты и мой ужин, а потом...

Я не договорил. Кто-то вдруг схватил меня за плечо и развернул к себе. Я машинально сбросил чужую руку, оттолкнул наглеца и сделал шаг в сторону, увеличивая дистанцию. Передо мной стоял рыжеволосый парень лет тридцати.

– Узнал меня? – спросил Рет, старый знакомый, в чёрных брюках, чёрном пиджаке и светлой, посеревшей, пожелтевшей от времени рубашке. Это был его любимый фасон, он специально вспорол, перешил отдельные части костюма, и вставил заплатки, чтобы одежда не стесняла движений. Над правым плечом торчит рукоять меча. Грозные глаза пытаются прожечь меня насквозь. – А это, между прочим, моя граната.

– Насколько я помню, вопрос уже решён. Ещё когда мы нашли тайник.

– Нас тогда прервали, и вопрос не решён до конца. Мародёры напали на нас, когда проблема встала ребром, нет? И ты сбежал...

– Мы разделились, и у меня не было возможности тебя дожидаться. Тогда у меня на хвосте висела проблема. К тому же я сделал для дела больше тебя, – мы не говорили ничего конкретного, понимая, что нас слушает весь бар.

– Да неужто? Я отвлек всю банду на себя!

– Ага, а те десятеро, что погнались за мной, не в счёт, да? Отвлекатель хренов...

– Я отвлек на себя почти всю банду. Это каким нужно быть тупым стратегом, чтобы послать всех на одного врага, забыв про всё остальное?

– Иначе говоря, мне пришлось выполнять и свою, и твою работу.

– Тебе же не пришлось марать клинок! – Рет вдруг вытянул из ножен на спине катану и направил в мою сторону.

Я не задумываясь, на автопилоте вытащил свой клинок, одновременно парируя замах Рета. А затем раздался громкий выстрел бармена.

– Не будет в моём заведении драк! – он держал в правой руке арбалет, в сторону Рета. В левой руке он сжимал плеер, который не спешил убирать. Звук выстрела был хоть и фальшивый, скрипучий, и с фоновым шумом, но всё равно привлек внимание всех и каждого в таверне и заставил замолчать. – На улицах города, кстати, драки тоже запрещены.

Рет поморщился, но убирать клинок не стал. Через несколько секунд раздумий он сказал:

– Пошли, прогуляемся до окраины города, решим все наши проблемы.

– Я сегодня занят, у меня неотложная встреча с ужином и подушкой, – ответил я и демонстративно вставил в ножны меч.

– Ты опять собрался сбе...

– Я не собираюсь убегать! Завтра утром, к северу от города. Жду до полудня, затем уйду.
– Я тебя там встречу, будь уверен, – ответил Рет и медленно убрал меч.

Ещё с минуту он стоял, пытаясь испепелить меня взглядом, потом презрительно посмотрел на бармена и зашагал из трактира. Я проводил его взглядом до выхода и повернулся к хозяину.

– Комнату и ужин.

– Расплачиваться этим будешь? – ехидно спросил бармен, убирая под стол арбалет и плеер.

«Чёрт подери!» – пронеслось у меня в голове. Я прицепил чёртову гранату за пояс. И ведь почти ни хрена не стоит, а одни хотят её украсть, другие отобрать. Рет вообще хочет убить меня за неё. И при всём при этом гранату даже продать не могу. Какого, на хрен, чёрта?

– Сколько? – выпалил я.

– Сто тридцать, – ответил бармен, широко улыбаясь. А в глазах читалось: «Шёл бы ты отсюда».

– Сто тридцать? Ты в своём уме? Я же не довоенную консервную тушёнку на ужин прошу, а обычный... это...

– За консерву ты бы и гранатой не расплатился. А цена нормальная: 60 за комнату, 30 за еду, 40 – штраф за обнажение меча. Не нравится – дверь там, – бармен кивком указал на выход.

Ещё с минуту я буравил хозяина таверны взглядом. Но в этом городе выбора особо и нет... Так что я начал вынимать монеты. Этот гад, небось, ещё за клиентов минимум десятку набросил, сука! Последней монетой я хлопнул по столу и сказал:

– На! Сто тридцать!

Бармен довольно сгрёб монеты за прилавок. Потом потянулся в карман за ключами и швырнул их на стол передо мной.

– Кейнс? Ты ли это? – услышал я звонкий женский голос. Крайне знакомый голос. Как будто именно её мне сейчас не хватало.

Прятаться было поздно, и я медленно повернулся. Точно, она! Смазливое личико, светлые волосы. В мягких ботинках и тунике с широкой лямкой через левое плечо. Локти и колени опоясывались широкой тёмной полоской со швом сбоку. На руках перчатки с открытыми пальцами. Всю одежду Арвен сшила себе сама из кожи препарированных животных. А потому одежда неравномерно меняла цвет, переливаясь различными оттенками серого и розового. На плече, на лямке туники, висит самодельная небольшая сумочка с медикаментами.

– Господи, это действительно ты! Я так рада тебя видеть! – Арвен обняла меня. Отпустив, затараторила: – Я совсем не ожидала тебя встретить! Столько всего произошло! Столько рассказать хочется! Знаешь, а когда ты ушёл, мне тоже надоело сидеть на одном месте, и я отправилась странствовать по миру. Мир, оказывается, такой большой! Это такая удача, что мы с тобой встретились!

– Сам в шоке, – я меланхолично вставил три слова.

– Вот-вот. Я в город зашла, а тут столько работы! И дядя Гена любезно помогает мне, присылает пациентов регулярно. И я решила тут задержаться ненадолго. Не зря ведь, как видишь! Ну, а ты-то как?

Я слушал её и кивал в ответ. Вопрос прошёл мимо ушей... Просто наступившая тишина в баре... Весь бар затих, люди жадно наблюдали представление. Причём с такими лицами, словно это ежедневное развлечение, классное, впечатляющее, ставшее привычным... Арвен быстро стала местной достопримечательностью... Не дождётесь.

– Кейнс! Ты-то сам как? – переспросила она, изучая моё лицо то слева, то справа. Того гляди, достанет стетоскоп из кожаной сумки.

– Да нормально, – я пожал плечами и схватил с прилавка ключ. Собрался было идти к своей комнате, как вдруг Арвен схватила мою правую ладонь.

- Это ещё что такое? – она принялась изучать рану на пальце.
- ЭТО уже зажило! – я вырвал руку, но Арвен снова её поймала и перехватила поудобнее:
- Ты совсем из ума выжил – пивом рану заливать?
- Арвен! – рявкнул я, но она будто меня не услышала. Я вырвал руку и зашагал по коридору спиной вперёд, взаимно вперившись в её глаза.
- Ты даже не знаешь, как это пиво приготовили! От него заражения может быть не меньше, чем если рану вообще не обрабатывать!
- Вот и не надо обрабатывать!!! – я перешёл на крик, но её голос был ещё громче:
- Ты не мог спиртом обработать? А лучше йодом!
- Ну, извини! – я снова развёл руками и затем повернулся к ней спиной, ускорив шаг. – Шпана, поджидая лоха, пила пиво, а не йод. Что оказалось под рукой, тем и обработал! И вообще, какое тебе...
- С собой взять не судьба? Пузырёк йода ничего не весит – не сломаешься. Я же не ломаюсь с этой сумкой!
- Арвен, отвали! – я вставил ключ в дверь, номер которой совпадал с номером на бирке – «6», и повернул.
- Пошли к тебе в комнату, я наложу нормальную повязку, – девушка толкнула дверь и собралась входить, но я преградил рукой.
- Так! Я тебя к себе не приглашал!
- А я тебя не спрашиваю! – Арвен двумя руками с силой толкнула меня, но сдвинуть с места не смогла. – Иди уже!
- Нет, Арвен! – я оттолкнул девушку и вошёл в комнату. Уже хотел закрыть дверь, между ней и косяком вдруг встала нога назойливой девчонки. – Эй, прочь!
- Кейнс, я могу весь вечер простоять под дверью и кричать тебе. А ещё могу замотать тебе быстренько палец и отстать. Выбери!
- Я смотрел в решительные глаза и откровенно терялся.
- Да зачем тебе это? Я же тебя не...
- Принципиальная добросердечность. Ну, так как?
- Вопросы на засыпку всегда ставили меня в тупик...
- Ты точно оставишь меня в покое сразу же после этого?
- Даю слово.
- Ладно! – я развёл руками, отпуская дверь, и отошёл назад. Арвен довольно прошла в комнату и указала на кровать.
- Садись!
- Ладно, сел.
- Что дальше?
- Дай руку! – ответила она. Затем раскрыла сумку, вынула несколько баночек и начала слой за слоем наносить подозрительную массу на рану и бинты.
- Арвен, какого хрена ты ушла из больницы? У тебя же там остались пациенты, ученики...
- Учеников я хорошо обучила, будь уверен. И больницу я оставила на них, сами справятся. Да и к тому же пациенты стали слишком редко туда заходить.
- Боятся... – с иронией заметил я.
- Нет, вовсе нет. С чего ты взял?
- Да так...
- Я же никого не мучаю, вполне хорошо лечу, ухаживаю. Чего бояться-то?
- Твоего принципиального усердия, ты не знаешь, когда нужно остановиться.
- Да брось! Я просто вылечила всех в округе, вот почти и некому ходить к нам.
- Ну да, надейся... А-ай! Ты что?

– Упс, извини, – ехидно ответила Арвен, ослабляя на пальце повязку и поправляя её. – Ну так вот, я решила, что от меня будет больше пользы, если я буду по миру ходить.

– И как? – спросил я, уже зная ответ. Она повторила его слово в слово.

– Представляешь, правильно сделала! Стольким помогла, стольких спасла, некоторых даже от смерти!

– Угу, – я саркастически закивал головой.

– Ну, вот и всё, – Арвен закончила перевязку. А затем повернула руку поудобнее и начала изучать. – Ещё где-нибудь болит?

– Нет! – я вырвал руку, взял девушку подмышки и заставил встать. – Перевязала? Теперь уходи. Спасибо.

– Ну, может, осмотреть быс...

– Спа-си-бо! – повторил я по слогам ей в лицо, развернул и вытолкал за дверь, а дверь тут же запер на ключ. Сел на кровать и облегчённо выдохнул.

Затем вынул из ножен сантиметров на десять меч и вспорол повязку. Сорвал бинты и выбросил в урну. Собрал с пальца остатки мази и тоже выбросил в урну, а палец вытер об штаны.

Посмотрел сверху на эту чачу на дне мусорки и облизнул губы. Мазь приятно пахла, да и цвет её был весьма аппетитным... Живот жалобно заурчал. А ужин остался в общем зале. А ещё в общем зале есть Арвен. Отсутствие повязки заметит наверняка, а потому передо мной встал тяжёлый выбор – лечь спать голодным или снова встретиться с ней. Бармен, злой на меня за потерянных клиентов и не начатую драку, и не подумает сказать какой-нибудь из симпатичных официанток-уборщиц занести ужин ко мне.

Я с досадой смотрел на дверь, пытаюсь выбрать меньшее зло. В конце концов, лёг на кровать, не расправляя её и не раздеваясь. Минут пять безуспешно пытался заснуть, но аппетитный запах, тянувшийся от мусорки... Живот ещё раз протяжно завыл. Я не выдержал, встал, снял ветровку и накрыл урну, чтобы запах не мешал.

Испорченная дуэль.

Утро начиналось очень неплохо. Я проснулся бодрым и выспавшимся. Когда вышел в холл, там почти никого не было. Почти все табуреты и скамьи задвинуты под столы из жести и четырёх широких поленьев. Пол, сложенный из разных по толщине и цвету досок, выглядел только что помытым настолько, насколько с его рельефностью это возможно. Вокруг не слышно ни пьяных тостов, ни звонов кружек, и царит успокаивающая ласковая тишина. А самое главное, не было Арвен. Бармен, увидев меня, велел симпатичной официантке разогреть и принести мой оплаченный ужин. Поставив передо мной чашку чая и две тарелки: котлета с пюре и салат – официантка кокетливо улыбнулась, а потом вышла.

Завтракал я в полной тишине и покое. Отставив пустые тарелки в сторону, принялся за чай. Но вдруг открылась дверь, в таверну вошла Арвен, и я тут же поперхнулся, начал кашлять и задыхаться, когда чай попал не в то горло. Подоспевшая вовремя Арвен одним хлопком по спине остановила кашель.

– Я тоже рада тебя видеть, – с иронией произнесла она.

Я недоумённо посмотрел на неё и открыл было рот, чтобы спросить, что она тут делает, но в таверну вошла та самая официантка... Так вот что это была за улыбка! Сука! А бармен? А бармен довольно наблюдал за происходящим из-за стойки.

– Ты сдал меня! – я поднялся и хлопнул рукой по столу.

– Успокойся, – ангельски невинным голосом проговорила Арвен. – Я ему заплатила и теперь иду путешествовать с тобой.

– Нет! – отмахнулся я, отступая. – Нет!

– Это что? – Арвен вдруг схватила меня за правое запястье, но мне удалось вырвать руку. И что она к ней привязалась? – Ты сорвал повязку?

– Нет! Ты не идёшь со мной!

– Я на эту рану вчера столько мазей потратила, а ты...

– Кто тебя просил? Никто! И ещё раз повторяю, со мной ты не идёшь! Мне не нужна под боком «мама»!

– Почему ты ни во что не ставишь мои старания?

– Отстань от меня! – я оттолкнул Арвен и направился к выходу. – Не порти настроение перед дуэлью!

– Ты идёшь на дуэль и не берёшь меня с собой? А если тебя ранят?

– Заживёт, как на собаке! – огрызнулся я.

– Загниёт, как на покойнике! – парировала Арвен.

– Ну и пусть! Тебе какое дело?

Она вдруг остановилась, приложила руку к сердцу и максимально искренне произнесла:

– Я дала клятву Гиппократу.

– Лоханулась ты! Не надо было раздавать клятвы кому попало. Оставь меня в покое!

Я развернулся и вдруг на чём-то поскользнулся. Ноги взлетели вверх, а тело повалилось на пол. В глазах заиграли блики, а в ушах – непонятный звон, сквозь который тяжело доносились обрывки слов:

– ...диот... шарый... ещё... гдру... нить... На!

В нос ударил резкий неприятный запах, оттеснивший рябь в глазах и звон в ушах. Надо мной склонилась Арвен. Я с трудом приподнялся на левом локте, а правой рукой потянулся к затылку. Провёл пальцами по больному месту и посмотрел на ладонь – кровь.

– Тебе нужно голову перевязать.

– Нет! – я оттолкнул Арвен и с трудом поднялся на ноги. На голову тут же навалилась непонятная тяжесть.

– Тебе не нужно так резко вставать, – Арвен начала копошиться в сумке.

– Нет! Не трогай! Хватит! От тебя сегодня одни беды! Не лезь ко мне!

– Как беды? – опешила она.

– Ты вошла в таверну, и я подавился. Ты ко мне пристаёшь, и я поскользнулся. Ты смерти моей хочешь?

– Нет, – растерянно ответила она.

– Вот и я не хочу! Отстань! – поставив точку в разговоре, я большими шагами направился к двери. Арвен за мной не последовала... пока что.

Я вышел наружу и остановился на секунду, вспоминая, где север. Ещё раз пригладил рану и продолжил путь.

Так, нужно успокоиться. «В бой нужно вступать с холодной головой,» – говорил учитель. «Глубоко вдохни и выдохни. Очисти разум от проблем, сконцентрируй мысли на дыхании. Дыши животом. Дыши медленно и размеренно. Вдох. Выдох.»

Долгими упорными стараниями мне удалось кое-как успокоиться и очистить разум. Дома казались размытыми силуэтами, мир потерял детали, а ещё минуту назад бурный поток мыслей вовсе остановился. И вдруг меня как громом пронзила важная мысль.

Бармен! Бармен, сука! Он знает, где будет дуэль! Арвен его спросит, а он ответит! Это крах! Кошмар! Так... стоп... у тебя сейчас будет дуэль. Об Арвен не думай. Сейчас дуэль с Ретом, а значит, нужно успокоиться, иначе ты проиграешь. Как там? Дышать ровно и размеренно... и медленно – главное! Ровно – медленно – размеренно. Ровно, медленно, размеренно. Ровно. Медленно. Размеренно. Вдох... Выдох...

Изношенные, посеревшие от времени кроссовки вязли в песке. Широкие свободные тёмно-зелёные штаны развевались на каждом шагу, и по ногам гулял приятный ветер. Угольная ветровка расстёгнута, а под ней тёмно-синяя футболка, свободно пропускавшая встречный ветер. А самое главное, разум снова чист, но надолго ли?

Неважно, я вышел за черту города и теперь видел на горизонте одинокую фигуру человека. Нет никаких сомнений, это Рет. Он увидел меня и пошёл навстречу. Когда между нами оставалось метров десять, мы остановились.

– Ты всё-таки пришёл, – произнёс Рет. Спрашивать про гранату он не стал, её и так прекрасно видно, прикреплённую к ремню на поясе, ветровка-то короткая.

– Эта граната ничего не стоит, держи, – сказал я, отцепил гранату. Хотелось бы избежать боя, ибо в памяти то и дело всплывала спешащая за мной Арвен.

– Ты знаешь, что дело не в ней.

– Зато надеялся, – граната соскользнула с раскрытой ладони на песок, оказавшись вдруг совсем ненужной. – Может, обойдёмся без боя?

– Нет. Нельзя. Я обязан доказать... – но Рет вдруг оборвал фразу, задумавшись.

– Кому? Здесь никого нет, только мы с тобой.

– Себе. Знаешь, я тогда действительно старался поманить за собой побольше мародёров. Несколько убил, попал в окружение, еле выбрался. Ты уж прости, я действительно не выполнил всё, что должен был.

Он замолчал. И я молчал. Всё-таки дружба между нами осталась. И бой начинать не хотелось, но и отложить его было нельзя. Рету было просто необходимо знать, кто из нас более достойный. Весь план был тогда его, и сейчас дуэль – его прихоть. Фактически, он был лидер в нашем дуэте, просто усомнился в себе. И дуэт распался.

– Давай быстрее покончим с этим, – сказал я и потянулся за мечом.

Рет кивнул и вынул свой клинок. Только вот я был безоружен. Ножны были пустые. Куда делась моя катана? Я заозирался, надеясь найти меч под ногами, может, выпал где. Да где же он? Куда делся?

– Ты что, решил явиться на дуэль без оружия?

- С ума сошёл? Всё было при мне! Всё было... даже не раздевался! Кто спёр мой меч?
- Он не там, случайно? – Рет кивнул мне за спину.

А позади робкими шагами к нам приближалась Арвен. Была уже совсем близко. Явно бежала, пока её не заметили. А теперь... вот мой меч! Она несёт его в руках!

- Арвен! Как это понимать?

– А что не так? Вот твой меч, в целости и сохранности.

- Красть-то его зачем?

– Чтобы ты вернулся... – Арвен говорила тихо, еле слышно, виновато опустив голову. – А потом бармен сказал мне, где у тебя дуэль, и вот я. А вот твой меч.

Арвен несла оружие и аккуратно протирала его тряпочкой. Что она делает? Полирует? Намазывает чем-то?

- Что ты там намазываешь? Яд? Нах...

– Не яд, нет! – замотала она головой. – Просто спирт. Он для дезинфекции, просто ты ушёл на дуэль, я подумала, вдруг вы порежетесь. Сразу, вот...

Я просто не нашёлся, что и ответить. Арвен подошла ко мне и протянула мне меч.

- Вот, держи.

Мне снова нечего ответить. Но зато постарался как можно грубее отобрать оружие. Меч неравномерно блестел на солнце и благоухал алкоголем. Сколько она спирта потратила? Покачив головой и громко цыкнув, я повернулся к Рету и отвёл меч в сторону, в удобное положение.

- Мальчики, может, не надо? – осторожно произнесла Арвен.

Я глубоко выдохнул и презрительно посмотрел ей в глаза. Мысленно сказал: «Утихни!». Услышал, как Рет побежал в атаку, и бросился ему навстречу. Расстояние между нами стремительно сокращалось.

Мы одновременно взмахнули клинками, звонко парируя атаку друг друга. Разошлись на метр и резко развернулись. И вдруг мне в лицо полетела вода, дождь, жидкость какая-то с алкогольным запахом, попала в глаза и тут же обожгла.

– А-а, – я закричал, стараясь протереть свободной левой рукой глаза, наотмашь взмахнул катаной, которая рассекла воздух, и отпрыгнул в сторону. Услышал, как клинок Рета прошёлся в опасной близости, и взмахнул снова. На этот раз наши мечи столкнулись, но я по-прежнему ничего не видел: глаза болели. Один глаз, правый, но болел за двоих, и всё равно ничего не видно.

Я с трудом попытался приоткрыть левый, увидел прямую атаку оппонента и едва успел поставить неуклюжий блок, еле успел уйти кое-как в сторону, но открыл Рету спину, и тот этим воспользовался. Острой болью прошлось остриё вдоль позвоночника, я выгнул спину, но Рет всё равно оставил длинный порез от поясницы до лопаток.

Мы снова повернулись друг к другу лицом. Я по-прежнему еле видел, старался изо всех сил стереть чёртов Арвенский спирт с правого глаза, но никак. Становилось только хуже. Бросив глупое занятие, замахнулся катаной, но Рет ловко прижал её своей и вдоль клинка повёл оружие на меня. Мне пришлось отпрыгнуть назад и в сторону. И всё равно слишком поздно, слишком неудобная позиция, и сталь задела тыльную сторону запястья.

Рет шёл на меня и наносил удар за ударом, мне оставалось только парировать, отступать назад, ожидая ошибки оппонента. В результате допустил ошибку сам: после очередного блока слишком низко опустил меч, следующую атаку не успевал парировать и сделал кувырок в сторону. Рет не дал подняться, взмахнул у меня над головой, и пришлось переходить в следующий кувырок. Ожидая ещё одного замаха, я взмахнул мечом понизу.

Рет был далеко, вовремя остановился и отскочил назад, но я всё равно задел его выше лодыжки. Я поднялся в полный рост и бросился на врага, но с моим запястьем и больным глазом... Соперник одним блоком перехватил инициативу и теперь снова наносил удар за ударом.

Я подсел под очередную атаку сверху, выставил меч и бросился на Рета. Тот не ожидал такого, потерял бдительность. А потому взмах левой без труда добрался до его челюсти.

Рет отступил назад на несколько шагов и наотмашь взмахнул мечом. Я пропустил удар мимо и резко сократил дистанцию, нанося прямой удар мечом. Рет наугад отпрыгнул в сторону, и я лишь вскользь вспорол на груди костюм и оставил неглубокий порез. Затем, не давая Рету опомниться, левой рукой поймал за рукоять чужой меч, а правой провёл захват за шею, одновременно приставляя лезвие к горлу. В последний миг остановился.

Я замер на пару секунд, переводя дыхание. В конце концов, моя победа очевидна. А потому выпустил Рета и брезгливо отбросил меч в сторону, после чего вернулся к нестерпимо болящему глазу, с которого никак не удавалось стереть, снять, хоть что-нибудь сделать с этим спиртом.

– Бля...! На хрена нужно было?.. – я не договорил. Арвен вдруг поднесла что-то к моему глазу. И в следующее мгновение боль отступила, а мне стало очень хорошо. Не знаю, что она приложила, но я ощутил такое облегчение, что забыл вдруг всю нецензурщину, которую знал.

– Арвен? Ну зачем ты намазала меч спиртом? У меня теперь глаз болит.

– Тихе-тише-тише, уже не болит, уже всё прошло, так?

– Да, прошло. Ну а если бы меня из-за твоего спирта убили? – я говорил медленно, спокойно, даже ласково.

– Но всё же хорошо закончилось? Я, правда, хотела как лучше, я не думала, что всё произойдёт вот так...

– Ты сколько спирта извела? Весь флакон?

– Совсем чуть-чуть, ну... пролила случайно второпях чуть больше, чем хотела...

– Я же говорил, от тебя одни проблемы. Прошу, пожалуйста, не делай так больше. Не трогай мой меч.

– Ладно, больше не буду. Глазик не болит?

– Нет, – покачал я головой.

– Ну, вот и славно, – Арвен поцеловала меня в лоб и потрепала мои тёмные волосы. Затем поднялась и направилась к Рету.

Тот сидел в стороне и держался за левый глаз, пытался расчесать, но Арвен ловко убрала его руку и приложила скомканный бинт. Рет тут же расслабился и успокоился. Я тоже присел. Как хорошо, когда глаз не болит. Правда, теперь всё сильнее болела порезанная спина, но лучше такая боль. Мне она даже казалась приятной.

– Вы закончили, мальчики? Вас можно лечить?

– Да, – довольно ответил я на первый вопрос. А потом осознал второй, который меня словно ужалил, заставив прыжком подняться на ноги. – Нет, не можно!

– В смысле? – Арвен тоже встала...

– Я тебя знаю, ты не ограничишься серьёзными ранами. Ты захочешь вылечить всё, что найдёшь, а найдёшь много. Затем пропишешь постельный режим – нет спасибо, я обращусь к нормальному доктору, который залатает мне спину и больше ко мне лезть не будет!

– Ты с ума сошёл! Ты потеряешь много крови!

– Я привык терять много крови, прежде чем найду доктора. Теперь мне это не помеха! Вон Рет, его лечи.

Тот лишь недоумённо смотрел на меня, не вмешиваясь в разговор. Он просто не знал, на что подписывается. Но скоро узнает.

– Кейнс, у тебя совсем крыша поехала. У тебя серьёзные раны!

– Для тебя уколоть палец – не менее серьёзно, чем потерять руку. Так что не нужно мне тут...

– Ты псих, я тебе не позволю! – Арвен шла на меня, в её глазах горел огонь.

– А что ты мне сделаешь? – я принял вызов и пошёл на неё...

Арвен вдруг вынула из сумки пистолет и направила на меня. Я остановился, остановилась и она. Между нами оставалось чуть меньше метра.

– Ты не сделаешь этого, – произнёс я вызывающе.

– Сделаю. Сначала выстрелю, затем вылечу.

– И кто из нас после этого псих?

– Ты, если решишь тягаться со мной.

Я лишь усмехнулся. Резким движением хлопнул её по руке, уводя прицел пистолета в сторону, одновременно сделал выпад вбок, уходя с линии атаки.

Вообще-то, Арвен вполне мирная девушка, дружелюбная. Но мир опасен, и она научилась постоять за себя. И реакция у неё неплохая. Пистолет издал лёгкий свист. Одновременно я ощутил укол в солнечное сплетение. Я не успел увести её руку в сторону и не успел отпрыгнуть. Провёл ладонью по груди. Вытащил дротик.

Дурман быстро давил на мысли, глаза застилала непроглядная мгла, звуки затихали и становились неразличимы. Ноги подкосились, но Арвен поймала меня и мягко уложила на песок – последнее, что я помню перед тем, как отключился.

Мирные переговоры

Дурман медленно отступал. Одновременно нарастало ощущение неудобства. Мне что-то мешало, и я открыл глаза.

Я находился в маленькой, даже тесной, комнатке с низким потолком и небольшим окошком. Кровать была узкой, но удобной. А возле кровати сидела Арвен и что-то увлечённо записывала в рваный блокнот.

Я себя чувствовал весьма неплохо. Медсестрица вколола мне качественное снотворное, и было непривычно ощущать себя бодрым, выпавшимся, голова не болит, тело не затекло, а в мыслях ясность и порядок. Раны вообще не болели, казалось сном, что мне вспороли спину перед сном. За такое даже хотелось благодарить, но Арвен слишком задела мою гордость, а потому я начал со слов:

– Ты что, вконец охренела?

Девушка подскочила от неожиданности, а то и от испуга, выронила блокнот и отпрыгнула в дальний угол. Я попытался подняться, но что-то удерживало меня на кровати. Я что, привязан?

– Немедленно освободи меня!

Но Арвен не шевелилась, просто замерла с побелевшим лицом и стеклянным взглядом, прижав кулаки к груди.

– Арвен!!!

– Почему ты кричишь на меня? – ожила вдруг она. – Я не сделала тебе ничего плохого! – девушка готова была разрыдаться.

– Выпусти меня немедленно!

– Можно же быть хоть немного благодарным? – сказала медсестра.

Я глубоко выдохнул. Сколько раз нужно долбить, прежде чем она поймёт?

– Я тебя об этом просил? Нет! Может, хватит без разрешения лезть к людям, и ко мне в том числе, со своей помощью? Развяжи меня!

Арвен вдруг изменилась в лице, гневно посмотрела на меня, а затем, обиженно задрав нос, направилась прочь из комнаты.

– Арвен! Ар... – я недоговорил. Она громко хлопнула дверью, оставив меня одного. – Твою мать! – выдохнул я и расслабился. А чего напрягаться-то?

Я попытался оценить, насколько крепко связан. Для этого подёргал руками и ногами, повернулся на месте. Скорее всего, связан единой верёвкой, которая опоясывала меня вдоль всего тела через каждые десять – двадцать сантиметров. Кисти вдеты в тесные петли без узлов, а верёвка проходит под телом, не давая возможности поднять руки. Ноги тоже в безузловых петлях. Иначе говоря, достаточно освободить хотя бы один пояс, и вся связка ослабнет. Дальше и ребёнок сможет выбраться.

Я начал поворачиваться на бок, верёвки больно врезались в тело, всё больше стесняя движения. Казалось, что возвращалась боль в старые раны. По фигу. Стерплю. Ничего страшного.

С большим трудом я принял позу лёжа идущего человека. Начал сгибаться, группироваться, пытаюсь провести голову под верхним арканом, который упорно держался на шее. Наконец он перескочил на подбородок, протатился по щеке, с большим трудом перелез через ухо и сполз на кровать. И путы тут же дали слабину.

Я лёг на спину, ещё больше ослабляя верёвки, повернул руками, освобождая кисти. Затем ещё несколько несложных манипуляций, и я выбрался на свободу. Слез с кровати и сразу ощутил что-то под ногой. Блокнот, с очень длинным списком. И хотя я не мог прочесть написанного, потому что не знал этого языка... даже не так. От того, что все названия написаны

на неведомом мне языке, становилось понятно, что это список ингредиентов, которых ей не хватает, которые Арвен потратила на меня, Рета и других пациентов. Почти все пункты были зачёркнуты, кроме нескольких. Последние полстраницы занимали свежие записи.

Кстати, что она со мной сделала? Правая ладонь перевязана так, что повязки напоминают перчатку. Под левой подмышкой какой-то компресс. На ноге повязка... Ну, и так далее. Я сорвал компресс, остальные повязки не стал трогать. Заколебаюсь больше.

Затем вышел из комнаты в просторный зал с широким ковром, парой кресел и диваном. На одном из кресел сидела Арвен, и, закрыв лицо ладонями, громко всхлипывала, дрожа всем телом. Меня она не видела.

В комнате было ещё три двери. Широкая, со стеклом, вела на лестницу. Узкая в углу, скорее всего, в туалет. А третья заперта с этой стороны на мощный засов. Не трудно догадаться, кто сидит за ним.

Я подошёл к Арвен и бросил блокнот ей на колени. Девушка вздрогнула от неожиданности и открыла покрасневшее от слёз лицо. Посмотрела на меня и снова уткнулась в ладони.

Убедившись, что ей сказать нечего, я подошёл к третьей двери и убрал засов в сторону. Раскрыл двери настежь и вошёл внутрь. Рет что-то увлечённо рассказывал лысому мужичку.

– И вот тот уже на ногах стоять не может, а я ему говорю... – тут Рет замечает меня в дверях, поднимается и восклицает: – Свобода! Кейнс, как я рад тебя видеть, дружище! Где эта медсестра? Я хочу ей всё в лицо высказать!

Рет быстрыми широкими шагами добрался до меня, и замер в дверях, увидев плачущую Арвен.

– Я ей уже всё высказал. Сомневаюсь, что ты можешь что-то новое добавить.

– А не слишком ли ты был резок с ней? – пропал пыл компадре. Он её уже начал жалеть...

– Рет, я пытался с ней говорить спокойно, пытался на неё кричать, но до неё допёрло только сейчас. И то не факт, что она полностью осознала. Так что нет, не слишком. Как она тебя туда заманила? – спросил я, пропуская лысого мужичка. Тот даже не попрощался, тут же направился к выходу.

– Да так, перевязывала меня в этой комнатке, перевязывала. Причём совсем уж начала до мелочей докапываться, я и не знал до Арвен, что у меня на левой икре царапина, а под большим пальцем правой руки мозоль. Ну да ладно, похер, думаю. Она меня почти всего перевязала, сейчас я самые ненужные повязки снимал, ну, она выходит наружу. Я думал, за бинтами или лекарствами, а она меня закрывает. Представляешь?

– Легко, – ответил я куда с меньшим энтузиазмом, нежели Рет рассказывал.

– Сказала, что мне нельзя напрягаться, не стоит много ходить и тем более искать проблем.

– Тебе и сейчас нельзя. Раны вскроются. Вам обоим нельзя! – Арвен опустила ладони и перестала всхлипывать, но слёзы ещё текли.

– Успокоилась? Отлично, где моё оружие, – сказал я.

– В подсобке. А ты даже не извинишься?

– А, так это подсобка! Я думал – туалет.

– Ты даже не извинишься? – повторила Арвен, проводя запястьем по щёкам.

– Пока что не планирую, – я отворил дверь и устался на груди хлама в поисках своего оружия. – Но ты можешь подождать, вдруг передумаю? О, нашёл!

Мой меч находился на вершине горы мусора в виде сумок, одежды, посуды, деревяшек бесполезных, ящиков и другого барахла. Это неуважение к оружию! Брезгливо поморщившись, я потянул своего боевого товарища на себя, но тут было всё не так просто, потому что вытянул не только его, но и рюкзак, в котором что-то громко гремело и перекатывалось. Рюкзак был пришит к ножнам. Арвен испортила такие роскошные ножны, внутри обитые ярко-красным войлоком, а снаружи обтянутые качественной кожей. Раньше я ими так гордился...

Рет подошёл сзади и сначала ухмыльнулся от увиденного. Но улыбка быстро сошла с его лица, когда он вспомнил про свой меч: та же картина, только его рюкзак не гремит посудой, или что мне накидали? Наверное, палатки или ещё что-нибудь.

– Арвен, – обратился я. – Ты издеваешься? Что это?

– Я хочу пойти с вами, – её голос уже не дрожал.

– Нет! – отрезал я и собрался вспороть нити, но сквозь скобу на ножнах была продета цепь, которая опоясывала рукоять меча и прикреплялась обратно к скобе так, что невозможно обнажить клинок без ключа. Я нервно усмехнулся и посмотрел на Арвен.

– Возьмите меня с собой! – настоятельно произнесла девушка, а лицо её, не остывшее от слёз, приобрело невозмутимый вид. Повернулась к нам спиной, сложила руки на коленях и задрала носик вверх.

– Вот хитрожопая, – произнёс Рет, любясь своей цепочкой. Попробовал её сорвать.

– А ты времени зря не теряла, да? – я медленно направился в сторону медсестры и поволок связку с собой. – Сколько же я спал? Неделю? Две?

– Полтора дня, – ответила Арвен.

– У-у, блин! Быстро ты...

Я не мог не заметить, что у этой чертовки, хоть она и сидела ко мне почти спиной, поднялись щёчки от гордой и довольной улыбки. А ведь всего пару минут назад это хитрое существо рыдало коровьими слезами. Я прошёл мимо неё и плюхнулся в кресло напротив. Теперь мы разговаривали лицом к лицу. А Рет тем временем корпел над своим мечом, пытаясь освободить.

– Ну ладно. Допустим, если ты пойдёшь с нами, то освободишь мечи. Вот это что за хрень? – я указал на дребезжащий перекатывающимися кастрюлями рюкзак, пришитый к ножнам.

– Как что? – удивилась Арвен. – Посуда, еда. В том рюкзаке палатки и дрова. В моём...

– Нет, нет и нет, – покачал я головой.

– Как нет?

– Если ты не заметила, мы с Ретом таскаем с собой только самый минимум: оружие, одежда, деньги, флягу с водой, флягу с алкоголем... м-м... – я порылся в карманах, вспоминая содержимое. – Полубиноколь, вторая половина у Рета, спички... Ещё компас... и на этом всё, пожалуй.

– А еда? А где спать?

– Спать можно и под открытым небом. Песок за ночь не слишком и остывает. А еда...

– А вдруг дождь пойдёт?

– Дожди – явление редкое. А промокнуть я не боюсь. Потому вообще не беспокоюсь...

– Но радиационный фон наверху ещё сильный!

– Слушай сюда. Боишься дождя – тащи палатку сама. Мне она не нужна, Рету, думаю, тоже.

– Ладно, а кушать что?

– А еда сама нас находит. Самое важное, что если мы возьмём с собой поесть, то другая еда всё равно нападёт на нас, а потому нет смысла таскать с собой продукты.

– И что? Жрёте сырое мясо?

– Нет, почему? Шерсть пустынных волков худо-бедно, но горит. Потом начинает гореть плоть, и огня становится больше. Через полчаса можно тушить. Вырезаешь перегоревшую плоть, вынимаешь кишки и другие ненужные внутренности – обед готов.

– Ужас! – Арвен покачала головой.

– Все нет. На вкус неплохо, мясо только пресное, ну и сыровато немного...

– Чёрт подери! – выкрикнул Рет и швырнул оружие со всем прилегающим оборудованием через комнату. – Где ты её откопал и почему не закопал сразу?

Я улыбнулся.

– Поверь, это очень скучная история, иначе бы закопал.

– Не такая уж и скучная, – надула было губки Арвен, но вдруг вдохновилась вопросом: – Нам тогда нужно было...

– Короче, – перебил я девушку. – Если хочешь идти с нами, ты освобождаешь наше оружие от цепей и рюкзаков. Хочешь что-то взять лишнее – бери, но понесёшь сама, справедливо? – последний вопрос был направлен Рету. Тот отчеканил:

– Абсолютно.

Я снова посмотрел на Арвен и мысленно задал тот же вопрос. Она минуту мялась с ответом, но потом сдалась:

– Ладно. Но мне нужно время, чтобы подготовиться, освободить ваши мечи и собрать самое нужное.

– Ну, тогда мы в бар заглянем, – произнёс вдохновлённо Рет. Я улыбнулся и направился к выходу.

– Мальчики! Только вы это... в драки не ввязывайтесь, а то швы разойдутся. И вообще, сильно не напрягайтесь, ладно?

Я сначала думал ответить что-то язвительное, но настроение было слишком хорошее: освободился, достиг компромисса, чувствовал себя, чёрт возьми, хорошо!

– Только ради тебя, Арвен: постараемся. Идём, Рет.

Мы вышли из зала, спустились по лестнице и выбрались наружу. Солнце находилось высоко в зените и жарило изо всех сил. Самый разгар рабочего дня, а потому улицы заполнили десятки людей, они лавировали друг около друга и мимо зданий. Дома снаружи выглядели намного хуже, чем внутри: потрескавшиеся, сохшиеся, вспученные и почерневшие от солнца доски создавали вид, будто здания вот-вот развалятся... Просто эти доски принимали на себя всё атаку пламенного шара на небе, сохраняя сваи и столбы внутри в более-менее приемлемом состоянии. Менять обшивку домов довольно дорого, а потому, как их построили (наверно, лет сто назад, может, пятьдесят), так эти дома и служат почти безо всякого ремонта и отдыха.

Но в конце улицы стояло здание, выделяющееся на фоне остальных. Оно не только выглядело целее, новее; таверна была к тому же увешана всякими зазывающими вывесками, закрывающими дефекты обшивки. Туда-то мы и направились, бодрым шагом.

Едва мы вошли, бармен опустил руку вниз. Небось, арбалет ищет. Я и забыл, что сдал меня этот гад. Ну да ладно, сегодня у меня мирный день. Я обещал Арвен не ввязываться в драки. Хотя меня и подстёгивало лицо бармена, с каждым нашим шагом всё сильнее напрягающееся.

– Четыре кружки пива, – сказал я. Бармен и на секунду не расслабился. Нервно ответил:

– С-садитесь, о-официантка вам принесёт. Ага.

Мы пожалы плечами и уселись за ближайший стол. Люди как-то странно косились на нас. И хозяин заведения тоже не спускал глаз. Подозвал симпатичную официантку, которая и принесла нам пива в широких высоких кружках с толстым стеклом. Это, конечно, была другая официантка, посимпатичнее. Да и одежда пооткровеннее. Наверно, Вип. Бармен так опасается нас... Хотя, скорее меня, будто боится мести... Будто видел наш бой... А может, ему кто-то очень красочно пересказал? Тем лучше.

Я сделал глубокий глоток янтарного, очень крепкого пива. Прохладное, да и вкус классный. Яркий, насыщенный. Увидев мою довольную улыбку, официантка почти пропела:

– Сорок восемь единиц.

Грех было отказать такой красотке в чаевых. Мы с Ретом скинулись на все пятьдесят пять. Тем более что на пиво цену нам явно снизили. У кого же в баре так язык подвешен, чтобы

бармена настолько запугать? Мы же в слепоте сражались, еле махали мечами из-за долбанного спирта Арвен.

– За языка! – произнёс тост Рет. Похоже, у нас один ход мыслей.

– За языка! – ответил я, мы стукнули кружками и отхлебнули.

– Ну, так всё же, как вы с Арвен познакомились? – не успев оторваться от кружки, произнёс мой боевой товарищ. Сколько мы с ним вместе ходили? Полтора или два года, кажется... Столько привычек друг у друга переняли, что многие нас братьями обзывают.

– Я же сказал, скучная и неинтересная история, – ответил я, но собеседник упорно смотрел, ожидая откровений. – Ну, ладно. Смотри, она наняла меня, попросила сопровождать до каких-то пещер, – начал я, энергично жестикую руками. – Просто охрана. Мы добирались туда целый день, и всю дорогу Арвен без перерыва рассказывала о своих больных и о больнице. Умолкала только для того, чтобы горло промочить. А затем опять пошла пластинка. Я – охранник, не могу же ей запретить. Меня деньги интересовали. К концу дня добрались до пещеры. Заходим внутрь, и представь, медсестра болтает, и пещера эхом откликается. С двух сторон на меня говорят всякую всячину, думал, не выдержу. А пещера к тому же лабиринтом оказалась. Мы довольно быстро нашли какие-то светящиеся грибы, Арвен сорвала несколько и убрала в сумку. Но выход из пещеры искали долго. Целую неделю.

– Неделю? – слишком громко удивился Рет и подозрительно огляделся вокруг. Обычно после таких громких восклицаний все замолкают и поворачиваются в сторону голосивших, но народу было пофигу. Болтали о своём, гоготали, ржали и ничего вокруг не замечали, давно перестав коситься в нашу сторону.

– Да, неделю, – ответил я на полном серьёзе. – Но всё не так плохо. Уже через час после того, как Арвен собрала образцы, она вдруг сказала: «Мы заблудились». После она о больных и не заикалась. Вместе мы начали предполагать, куда и откуда шли, чертили знаки на стенах. Но самое главное, с ней теперь можно было говорить нормально. Как-то притёрлись друг к другу. Подружились. Поиск выхода нас как-то сплотил, а когда вышли, встретили бандитов. Те преследовали нас до самой пещеры, но внутрь не стали заходить, ждали у выхода. Не то, чтобы были слабаками. Просто идиоты. Стали угрожать огнестрельным оружием. Но у них была одна пуля на три пистолета. Стрелять они не умеют, да и кто умеет? Учиться не на чем, пули дорогие. Разоришься, прежде чем попадёшь с десяти метров в бутылку.

– Некоторые умудряются научиться. Кто-то даже преподаёт обучение стрельбе, не дав ни одной пули на пробу.

– И ты на эти курсы ходил! – наугад бросил я.

– Ага, пять пуль отдал за обучение, а ни одной не дал выстрелить, зараза! – смеясь, проговорил Рет.

– За пули! Грозное оружие, которым никто не умеет пользоваться!

– Я умею! – ответил Рет, а затем добавил: – В теории, правда.

Мы оба заржали. Чокнулись и отпили пива. Третий кружки оставалось. Ну и запасная, конечно.

– Так что дальше было? – напомнил Рет.

– Дальше? А что дальше? Когда они поняли, что я в их пули не верю, мечи было поздно доставать. Зарезал первого, второго, заряженный пистолет оказался у третьего. И представляешь, пуля мне предплечье задела!

Дальше говорить было бессмысленно, Рет заржал. Я не смог удержаться и присоединился.

– За случай! – воскликнул боевой товарищ. – Чтоб, мать его, никогда не касались нас ни свинец, ни сталь, ни клыки, пока рядом с нами твоя Арвен!

– Ага, и за удачу!

Пустые кружки были отодвинуты на край стола. Официантку звать не пришлось: подлетела к нам, как молния, и готова была ловить тару над полом, но всё обошлось. Нервно улыбувшись, она забрала кружки и ретировалась.

– За трактир! За этот, как его... – с новой кружкой пытался вспомнить название Рет.

– Проспритованный фитиль, – произнёс я и заржал. Пить и смеяться было невозможно. Собеседник мой как-то сдержался от смеха, и произнёс, с трудом удерживая серьёзное лицо:

– Да вы, батенька, пьяны! – и тут же захохотал.

Мы с трудом успокоились. Чуть не захлебнувшись, отпили в честь трактира. Я посчитал своим долгом повернуться к бармену и сказать:

– Хорошее пиво, спасибо!

Бармен улыбнулся нам и кивнул, ничего не сказав.

Я повернулся в сторону собеседника и повторил:

– Не, ну классное же пиво!

– Супер! – ответил Рет.

– Ага! – согласился я.

– Ну и что Арвен сделала с тобой за ранение?

– Ну, на месте первую помощь провела. Хотя это скорее выглядело, будто она совершила полный курс лечения в сжатые сроки. Мы добрались до больницы, и Арвен положила меня на стационарное лечение. И я тогда понял, зачем все двери в больнице с замочной скважиной. Я минут пять ходил возле окна, искал подвох. Представляешь, больница не огорожена колючей проволокой, и охрана не патрулировала периметр. Но я всё равно дождался ночи, вытерпел несколько ненужных уколов и сбежал через окно. Меня никто не стал останавливать.

– Врёшь?! – воскликнул Рет.

– А-а, поймал! Последний укол был лишним. Это было снотворное.

Мы несколько секунд пытались сохранить невозмутимые лица, но потом не выдержали и ударились в дикий смех. Больших трудов стоило мне перестать смеяться, и я продолжил историю, медленно успокаиваясь.

– Когда я проснулся, меня уже выписывали. Даже спрашивать не хотелось, сколько проспал. Арвен меня несколько раз перед уходом поблагодарила. Ну как, несколько раз... Несколько раз подряд, иначе бы давно ушёл. Собрала мне еды в дорогу, ну и заплатила сверх меры. А я ушёл, надеясь больше в ту больницу не вернуться.

– Классная история!

– Тебе кажется.

– За Арвен! – произнёс вдруг Рет.

– Не чокаясь! – добавил я. Рет сначала округлил глаза. Потом засмеялся, я засмеялся тоже. Мы стукнули кружками и ополовинили их. Я достал пустую флягу для алкоголя и подозвал официантку. Протянул ей ёмкость и ещё три монеты по пять единиц.

– Ещё такого же пива!

– Стой! Мне тоже! – спохватился Рет и протянул то же самое. Официантка унесла фляги и деньги. Рет вдруг повернулся ко мне и сказал с восторгом в глазах. – Не, а Арвен, кстати, классно обвела нас вокруг пальца. Просто выбора не оставила.

– Был выбор. Просто мне не хотелось тащить рюкзаки к кузнецу, чтобы тот сорвал цепи. К тому же девчонка всё равно увяжется за нами. Хуже только будет.

– Но ты её сильно задел.

– Успокойся. Уже успокоилась.

– Думаешь, простила?

– Ага, держи карман шире. Она припомнит когда-нибудь, я уверен. Просто в тот момент она поняла, что горят мосты, и если не успокоится, то рискует потерять всё.

– Хитрая... – сказал Рет и подавил желание произнести её имя, как тост. Уже пили за неё.

– За мир? – сказал я тост.

– За мир, – согласился Рет, и мы отпили ещё четверть кружки. – Куда теперь, Кейнс?

– На север. Только я не буду говорить, зачем туда идём. Потом ещё нашей спутнице пересказывать, а дорога длинная...

– Хорошо, но в пути расскажешь. Я прослежу. Ладно? Тогда за лёгкую дорогу, и допишем! – предложил Рет.

– За лёгкую дорогу! – и мы опорожнили кружки. Поставили на стол как раз тогда, когда нам вернули фляги, тяжёлые и холодные. Мы прицепили фляги к ремням, а затем, слегка покачиваясь под дурманом крепкого и качественного пива, вышли из таверны.

Оказавшись снаружи, мы наугад ткнули пальцем в один и тот же дом. И решили идти туда. Внутрь заходить не стали. Вместо этого громко постучали, а через минуту Арвен сама спустилась к нам. Она лучезарно улыбалась, но с её лица не сошло покраснение от слёз. То ли кожа слишком нежная, то ли плакала снова. Хм, а я не думал, что настолько её задел, но извиняться не буду. Возгордится ещё.

В руках девушка несла два меча, которые протянула нам. Я тщательно проверил наличие изъянов. Ножны, конечно, испорчены, прекрасная ранее кожа теперь в дырках от иглы, местами нить оставила полосу. Однако меч достаётся свободно, легко. Вроде острый, только от него до сих пор тянет спиртом. Вопрос, дезинфицировала ли она оружие снова, застрял в горле, когда Арвен вытащила из дверного проёма два рюкзака. Оба наших... В смысле, потенциально наших. Я вопросительно выгнул бровь, но медсестра тут же протараторила:

– Не волнуйтесь, я их сама унесу, – и хитрая улыбка на лице. Даже немного коварная. Я неуверенно прицепил меч на пояс, а с Арвен глаз не спускал.

А девушка, как ни в чём не бывало, вскинула на свои хрупкие плечи два рюкзака. Один из них казался особенно тяжёлым. И вдруг я понял. Сейчас час пик, и два мужика будут идти по городу, а рядом будет семенить загруженная баба. Давит на жалость, хитрюга. Ничего, стерпим.

– Ну что, пошли? – спросила Арвен, наигранно надрываясь в голосе. Даже не спросила, куда, зачем? Как будто ей без разницы, куда идти.

– Потопали, нам в ту сторону, – я кивнул на север.

– Не надорвёшься? – озаботился Рет.

– Ну что вы, мальчики, – наигранно напряжённо произнесла девушка и тронулась в путь. – Я взяла только самое нужное.

– Ты хоть что-нибудь выкладывала? – спросил с иронией я.

– Да, действительно ненужное оставила в доме. Кое-что переложила, разложила по сумкам, чтобы удобнее было.

– Ну ладно, – ответил я.

– Тебе действительно не тяжело? – спросил Рет. Вроде бы язвил. Если он начнёт играть рыцаря, пострадаем мы оба.

– Нет-нет, что вы? Может, хватит обо мне беспокоиться?

– Арвен, – ответил я. – Дорога длинная. О чём нам ещё беспокоиться, как не о тебе?

– Вы мне льстите...

Дальше шли молча. Прохожие пялились на нас, а Арвен хитро улыбалась. Ничего, скоро улыбка исчезнет с твоего лица. До края города осталось идти от силы минуту. Наконец, мы вышли за его пределы, и осуждающие взгляды перестали давить со всех сторон. А медсестра перестала хитро улыбаться. Неужели начала понимать, что её план не работает?

Ещё минут десять молчаливой дороги... относительно молчаливой. Девушка пыхтела и кряхтела, сначала наигранно, а потом действительно стала выдыхаться. Мы с Ретом специально выдерживали высокий для неё темп. И хитрая лисица, наконец, сдалась.

– Постойте. Секунду хотя бы, – тяжело и хрипло выдохнула Арвен и сбросила один рюкзак. Тот свалился на песок с таким грохотом, словно туда напихали камней и руды. Второй

выглядел намного легче, а значит, мученица допускала, что план не сработает. Собрала рюкзак тяжёлого и ненужного, и рюкзак действительно нужного, на вид не особо тяжёлого. Девушка отдыхала с минуту, выпила воды, и мы продолжили путь.

Через несколько минут я решил, что можно дать Арвен снисхождение. Этот рюкзак ей действительно нужен, раз не выбрасывает.

– Ладно, хватит пыхтеть, давай рюкзак сюда, – произнёс я.

– А? – удивилась Арвен. Похоже, она совсем потеряла надежду и сейчас рассеянно смотрела на меня.

– Давай рюкзак, будем нести по очереди, – сказал я и посмотрел на Рета.

Тот сначала взирал на меня, как на идиота. Я ответил ему грубым прищуром. Рет смирился. А новоиспечённая подруга неуверенно протянула свою ношу. Я вскинул на плечи – действительно не шибко тяжёлая. Килограмм семь-восемь, не больше. Тот рюкзак, даже предполагать не хочу, насколько потянет. Вдруг Арвен посмотрела назад, что-то хотела сказать, открывала рот и неуверенно закрывала.

– Если вернёшься за тем рюкзаком, я сброшу этот. Усекла? – пресёк я её потенциальную попытку тащить с собой лишнее барахло.

Несчастливая медсестра долго боролась с искушением, перебирала в голове возможные доводы и аргументы. Но решила не рисковать, и потому неуверенно кивнула. Брошенный рюкзак девушке действительно вымотал. Даже слова сказать не может. Я подкинул ношу на плечо, устраивая поудобнее и тоже тронулся в путь.

Байки перед сном

До конца дня мы шли практически в полном молчании. Арвен обиделась на нас с Ретом и не разговаривала, а из-за её бойкота не завязывался диалог с Ретом. Пару слов сказали друг другу, и тупик.

Вечером стало ясно, что Арвен в рюкзаке сложила палатки, причём не только себе, но и нам с Ретом взяла по одной, плюс прутья для навеса. Возмущения по поводу ненадобности инвентаря она пресекла вопросом об ужине. Единственный ответ, что удалось придумать – голодание полезно для здоровья, – Арвен парировала лекцией о пищеварении. Палатки решили оставить с собой.

Почти весь следующий день мы по-прежнему не могли наладить общение. В компании определённно был третий лишний, кто бойкотом портил желание разговаривать, но не оставлять же её посреди пустыни?

Спасение настало, когда Рет заметил погоню – волк следовал за нами по пятам. Быстро и почти незаметно. Бледно-жёлтая шкура была плохо заметна среди барханов. Если бы у него была возможность вообще не подниматься на барханы, становясь заметным на фоне расплывающегося горизонта, путешествовать по пустыням было бы слишком опасно.

Мы встали наизготовку, вынули оружие и приготовились к сражению с монстром, который даже на четвереньках был с нас ростом. Но Арвен в очередной раз всё испортила своим свистящим транквилизатором. Животное легло на песок, сдавшись без боя. Было почти неинтересно разделять незавоёванную тушу.

– Арвен! – вспыхнул Рет. – Ну почему? Почему ты лишаешь нас единственного развлечения за последние два дня?

– В смысле развлечения? – спросила она.

– В смысле охота приносит нам огромное удовольствие, а ты взяла и всё испортила! – присоединился к компаньону я.

– А если бы оно вас ранило? – Арвен упёрла руки в бока.

– Мы убивали волка много раз! – была очередь Рета говорить. – Мы не новички какие-нибудь!

– Но я слышала много страшных историй про...

– Ты их слышала от караванщиков? – перебил я девушку. – Мы не огромный караван, в котором охрана не успевает защитить каждого вола. Волки умные, на охрану не лезут, им достаточно болезненно ранить хотя бы одно выючное животное. Ждать ковыляющую скотину никто не станет. Тащить тушу никто тем более не будет, не говоря о том, чтобы хоронить – лишь бы хищнику не досталось. Тот ждёт, пока караван уйдёт, и жрёт в своё удовольствие.

– А у нас нет выючных животных, – Рет вернул разговор в прежнее русло. – Волк не станет огибать нас и искать лёгкую добычу... Хотя тебя бы он, наверное, счёл удачной целью, а так...

– Как меня? – возмутилась Арвен. – Я его, между прочим, уложила!

– Но оружия-то волк не мог у тебя увидеть! – парировал я.

– Короче, Арвен, – взял слово Рет. – Больше так не делай, оставь право завалить добычу мужчинам!

– Да! – отчеканил я.

– Но волк мог ранить вас! – повторила Арвен.

– А то ты этого не хочешь? Ты только и ждёшь повода, как бы кого вылечить!

– Неправда! – отрезала девушка.

Я бесцеремонно сплюнул, развернулся и направился в сторону зверя. Нет желания у меня спорить с ней. Два дня шли в тишине. Я по ней скучаю...

– Оно могло вас убить! – медсестра перешла на крик. – И тогда с этим ничего нельзя было поделать!

Рет удручённо вздохнул. Я тем временем вынул клинок и думал: резать горло или сразу потрошить?

– Мы проделывали такое сотни раз... – напарник повёл спор за двоих. Воткнув меч в брюхо, я сделал широкий разрез, через который повалились внутренности. Плоскостью меча начал выковыривать кишки и отбрасывать подальше.

– Но вы можете допустить случайную ошибку! Не специально! – произнесла Арвен. На тот момент я закончил с кишками и положил меч на песок. Негоже измазанному в крови клинку в ножнах покоиться. Затем щёлкнул кремнем на зажигалке.

– Нас двое. Если один допустит ошибку, второй его спасёт, – сказал Рет. Шерсть зверя начала потрескивать, пожираемая слабым огоньком.

– Но вы оба можете ошибиться! – не отступала медсестра. – Или второй может не успеть помочь! Не успеть среагировать!

– Арвен! – встрял я в разговор, не выдержав. – Тогда ты спасёшь нас. Довольна? В следующий раз можешь нас страховать сзади и в критический момент выстрелить в тварь. А теперь, прошу, я не слышал тишины пару минут, но уже так соскучился...

– Не затыкай мне рот и не... – Арвен вдруг осеклась и зажала рот и нос руками. – Господи! Что это?.. Это шкура животного так воняет? – она отступала всё дальше и дальше от горящего волка. – Как вы это терпите?

– Дело привычки, – ответил я, всё больше радуясь отдаляющемуся голосу. Медсестра остановилась лишь через десяток метров. Но Рет не дал мне наслаждаться тишиной:

– А ты что, к запаху трупов не успела привыкнуть? Это, наверно, почти то же самое.

– Я не имею дело с трупами! – ответила медсестра. Вдруг снова зажала рот и нос руками и отошла ещё немного. Хм, а на таком расстоянии её голос даже приятен. Наверно, через километр её слушать будет божественно. – Мои пациенты не умирают. А если и умирают, то я ставлю диагноз задолго до смерти, и это какая-нибудь неизлечимая болезнь. И даже тогда с трупами возжусь не я! Фу, гадость! К этому невозможно привыкнуть! – Арвен отошла ещё метров на семь.

– Поразительный эффект! – философски заметил Рет. – Может, оторвём клочок шерсти. Будем отгонять девушку, когда надоест.

– Не стоит. Раз отгоним, два отгоним. На третий раз стерпит. На четвёртый – привыкнет.

– Ну да, вообще-то.

– Помню, как ты мне показывал этот рецепт. Я сидел, лицом уткнувшись в одежду, чтобы стерпеть запах.

– Да, я тебя тогда подкалывал без передышки.

– А как ты первый раз готовил волка? Это твой рецепт?

– Не, меня отец научил. Я тогда отказался есть мясо. Запах отбил весь голод.

В ответ я громко засмеялся. Потянулся к фляге с пивом и сделал пару глотков. Блин, классное пиво!

– Это невозможно! – застонала Арвен. Она приложила к лицу кусок бинта. – Я за тридцать метров, и всё равно невыносимая вонь!

Огонь расползся по всему телу, местами сжёг шерсть и теперь медленно вгрызлся в твёрдую морщинистую кожу. К неприятному запаху горелой шерсти, к которому мы с Ретом привыкли, присоединялся запах перегорающего мяса, который от привычки казался приятным. Не сравнится с трактирскими обедами, но недурно. Под удаляющиеся стоны Арвен и затихающий треск недогоревшей шерсти я вздремнул, мысленно отсчитывая время.

– Эй, пора, – сказал вдруг Рет.

– Не-е. С нами девушка, которая не привыкла к жёсткому недожаренному мясу. Ей бы лучше прожарить. Пофиг, что меньше останется. Наедемся, думаю.

– Не пережарим? А то совсем ничего не останется.

– Ещё пять минут.

– Долго ещё? – крикнула Арвен через огромное расстояние. Эх. Так хорошо лежал. Но нет, подняла, заставила надирать голос:

– Пять минут! – я подумал и добавил: – Слушай, побегай по кругу. Аппетит нагуляешь. Он тебе пригодится!

– Я и так голодна! – ответила Арвен.

– Не настолько, – тихо произнёс я, чтобы Рет услышал, а девчонка нет. Дымом горелой шерсти и мяса пропахнет вся туша. Лично мне в первый раз было весьма противно есть.

– А мы сегодня в путь отправимся? – спросил компадре.

– Не думаю... – лениво ответил я.

– Тогда, может, палатки разложим.

– Я готовлю. Ты раскладывай! – ответил я, не открыв глаза.

– Лентяй! – брезгливо бросил Рет и зашуршал железками и брезентом.

Пора, наверное, а то всё мясо выгорит. Я медленно поднялся, потянулся вверх, выправляя спину, выгнулся в одну сторону, в другую. Нагнулся, зачерпнул песка и бросил в огонь. Зачерпнул снова и начал засыпать мясо, чтобы потушить пламя. Затем поднял меч и сильным ударом вонзил в плоть чуть ниже рёбер. Лезвие прошло тело наполовину. Дальше не прошло. Ничего, ещё ударим. Я снова замахнулся и пронзил тело на две трети. Так-с. Воткнув катану прямо, потянул на себя, переворачивая животное с одного бока на другой. Вынул меч и разрубил дичь пополам.

В теле резко прослеживались несколько слоёв. Сантиметров пять – очень хрустящая до черноты поджаренная корочка. Затем смешанный слой ещё сантиметра три. Потом идёт прожаренное мясо, переливалось со светло-коричневого на розовый, красный и обратно. Это мясо тянулось сантиметров двадцать по радиусу. И затем оставшиеся сантиметров десять-пятнадцать – не до конца прожаренное мясо с белыми нотами в цветовой гамме. Вдоль среза тёк жир, блестел на солнце и будил аппетит.

– Рет! – позвал я. Тот вынул свою катану и бросил мне.

Воткнув одно оружие как ручку, для удобства, другим я начал аккуратно срезать нагар – ту самую до неаппетитного хрустящую корочку.

– Фу-у! – воскликнула Арвен. – Запах ещё не выветрился! – Девушка попыталась подойти, но была отброшена стараниями волка на исходную позицию.

– Да ладно тебе, – сказал я, продолжая потрошить тушку. – Как ты собираешься есть мясо, если подойти к нему не можешь?

– Я не знаю! – ответила медсестра. – Вы мне принесёте!

– А повежливее? – решил поиздеваться я.

– Пожалуйста, принесите мне кусок мяса!

Я вытащил клинок из туши (вроде достаточно обрезаю) и воткнул снова, уже в качестве шампура, другим оружием отрезал шмат размером кулак, и этот шмат повис на конце оружия. В таком виде я и понёс еду Арвен. Рет не стал церемониться и полез за едой голыми руками.

– Эй! А руки протереть дезинфекцией?

– Шпифтом? – спросил Рет с набитым ртом. Не долго думая, открыл флягу с пивом и пролил алкоголем руки. Арвен не успела возмутиться, так как почувствовала, что мясо пахнет так же, как и подгоревшая туша.

– О господи, оно тоже воняет!

– То есть ты не голодна? – сказал с иронией я и откусил прямо с «шампура».

– Ой, господи, как вы это едите? Оно воняет, как...

– Проголодаешься – скушаешь.

Я медленно пошёл обратно к волку, но «голод не тётка».

– Постой! – услышал я вслед и засмеялся. Так и думал. Протянул мясо ей.

– Не волнуйся, на вкус оно лучше, чем на запах.

– Ага, – промямлила Арвен. Достала тряпочку, налила немного спирта и протёрла руки. Полила спиртом на всякий случай протянутое мясо, а тряпочку предложила мне. Мы поменялись, девушка взяла шампур, а я забрал тряпку, протёр руки и пошёл к Рету. – Гадость! Это невозможно есть! – застонала медсестра.

– Но-но! – запротестовал я. – Моё блюдо попрошу не обижать.

– Не, Кейнс, – заговорил Рет. – Арвен сейчас действительно права. Из тебя хреновый повар. Сам посуды: не посолил, специй не добавил, еда подгорела, а готовил ты в полной антисанитарии!

– У меня ещё и тарелок нет! – ответил я, и мы засмеялись.

– Почему вы меня не предупредили, что еда будет настолько невкусной?

– Лучшая приправа – голод. По-моему, этой приправы нам хватает. Мне уж точно, – расфилософствовался я и отрезал себе кусок мяса.

– Есть приправа номер два. Её нам не хватает...

– И что же это? – я даже заинтриговался.

– Хорошая приправа номер два – это... – Рет специально тянул время, выдерживал паузу, с пафосом смакуя наше внимание. – Хорошая и интересная история. Рассказывай, Кейнс. Какого хрена ты забыл на севере?

– А, ну да. Арвен! – позвал я.

– Подь сюда, негоже барину горло по пустякам надрывать! – присоединился Рет, и мы с ним опять громко загоготали.

Медсестра подошла к нам и уселась рядом. Видно, что после нескольких съеденных кусочков её не сильно тревожил запах горелого волка. Впрочем, каждый раз, откусывая, она морщилась и через силу пережёвывала жёсткую пищу. Я не стал иронизировать и приступил к рассказу:

– Сразу после того, как мы разошлись с тобой, Рет, я очень долго уходил от преследования. Даже в городе гнались за мной, но мне удалось скрыться. Они меня потеряли, и я зашёл в бар. Народу много, все красные, с распухшими лицами. Думал, тут не найдут. Но нет, сволочи, окружили заведение. Бармен вмешиваться не стал. Сказал: «Забирайте его и уходите.» Только я не дал им себя забрать. Бар тесный, в одиночку против толпы проще сражаться, а мужикам веселье. Кто-то даже на мою сторону встал, когда я половину перебил. А потом подошёл ко мне какой-то паренёк в бежевых тряпках. Сначала восхищался мной, назвал Мастером, но куда мне до такого звания? А затем предложил поучить его сына владению катаной. Назвал город, приблизительно показал на карте местоположение. Это маленький собственный город – Тичерстон. Плату обещали немалую, но идти вместе с парнем я отказался. Не люблю сопровождения. Такой, как он, почти наверняка пойдёт с огромным караваном. Такие караваны любят грабить огромной толпой – стрелу схвачу, никто и не заметит, пока не отобьются... Если отобьются.

Я замолчал. Повисло долгое молчание. Друзья надеялись, что мне есть, о чём ещё рассказать. А затем начал говорить Рет:

– А я за тобой погнался. В барах спрашивал, стражников опрашивал, по пятам шёл, в спину тебе дышал, зараза. Еле догнал.

– А как вы познакомились? – спросила Арвен. И почему-то оба уставились на меня.

– Рет, я жрать хочу, ты рассказывай.

– Ладно, с чего начать? – он сделал вид, что задумался. Там рассказывать-то нечего. И вдруг парня будто осенило, актёр хренов. – Ну, во-первых, мы оба работали наёмниками, и

работали бы до сих пор, если бы Кейнс из дилетанта в учителя не превратился. Так вот, нам достался один контракт. Заказчик был не уверен в том, что в одиночку задание выполнимо: забрать украденную бандитами безделушку, и предложил двум людям две награды. Ну, мы сработались тогда, подумали, и решили дальше ходить по миру и за деньги нести добро людям. Арвен, твоя очередь!

– Моя? А что я? Мне нечего рассказать.

– Не ври, – парировал недоактёр. – Говори, на фига сбежала со своей больницы и как добралась до Кейнса.

– Во-первых, не сбежала, а долго готовилась, всех предупредила и оставила себе в замену протеже. Во-вторых, я не искала Кейнса и вообще не ожидала его тут увидеть. А в-третьих, добиралась караванами. В одиночку в пустыне опасно, так что с караванами я чувствовала себя в большей безопасности, но караванщики... От них постоянно несёт помоями и перегаром, слушать их неприятно, а ещё они пристают и домогаются. Я, как увидела Кейнса, решила, что пойду с ним, а к караванам больше присоединяться не хочу!

– То есть, если мы будем к тебе домогаться, то... – начал высказывать мысль Рет, как Арвен тут же пресекла его идею.

– Тогда я выстрелю из транквилизатора. Просто в караване людей много, на всех не хватит, а вас-то всего двое!

– Э-эх, жаль, ладно, я спать хочу. Кейнс, покараулишь?

Я не стал отвечать, просто продолжил поедать мясо. Рет довольно быстро захрапел. А потом я почувствовал подступающий к разуму туман, приятный сладкий дурман... Наподобие того, когда Арвен выстрелила в меня... И Арвен, я видел, медленно клонило в сон. И сквозь эту пелену медленно, но поздно подступала мысль, что из волка во время готовки не вышло снотворное. Оно просто ослабло, долго не действовало, а теперь день, похоже, заканчивался слишком резко...

Рынок рабов

Проснулись мы поздним утром, и, к всеобщей радости, за ночь ничего не произошло. Устроив словесную взбучку Арвен за её инициативу, мы направились дальше, оставив тушу волка на месте. Лично я выспался и больше не хочу есть снотворное. Дорога теперь стелилась под нами легче и быстрее, Арвен закончила бойкот, и мы рассказывали о самых разных моментах нашего прошлого, травили байки из баров и кабаков, обсуждали те или иные легенды. А через пару дней наконец-то добрались до Третьего Торгового. Торговцы, возводившие город, не стали придумывать вычурное название, и правильно, я считаю. Входишь сюда, и сразу понятно, что тебя ждёт.

Конечно, нам очень хотелось поесть. А потому мы первым делом зашли в местную таверну. Суп, крупа с подливой и мясом, чай – каждому, и устроились за ближайшим столиком, благо ещё не вечер, народу не особо много, и нет по кругу пьяного ора.

– Щеводня выйдем? – спросил Рет с набитым ртом. Дожевал, проглотил и закончил фразу:
– Или завтра пойдём?

– Не, давайте завтра пойдём, а? – начала уговаривать Арвен.

– А что сегодня будем делать? – спросил я. Рет взял слово:

– Можно пойти...

– По городу! – закончила за него Арвен, но тот явно имел что-то другое. Может, бар? Я тогда был бы на стороне Рета.

– Не, давайте лучше... – он снова начал рассказывать о своём предложении, но медсестра перебила:

– Ну, пожалуйста, я раньше вообще знала всего один город – Мецсинбург. А тут такая возможность, новый город, новые люди. Неужели вам неинтересно?

– Не-а, – ответили мы хором и без малейшего энтузиазма.

– Да вы здесь не были-то ни разу!

– Были, – ответили мы одновременно.

– О! Правда, что ли? А проведите мне экскурсию!!!

– Не, я города не знаю. Я в тот раз нашёл это место и пил весь вечер. А наутро направился дальше, – безразлично ответил Рет.

– Ага! – поддакнул я ему.

– Вот и посмотрите на город, прогуляйтесь, развеетесь.

– Арвен! Мы уже четыре дня гуляем и развеиваемся на свежем воздухе, – заметил я. –

Сегодня хочется отдохнуть.

– Вечером отдохнёте. Ребята, ну пожалуйста. Одной так скучно ходить по городу. А если на меня кто-то нападёт? – пыталась убедить нас девушка. Рет усмехнулся и ответил:

– Тогда дальше мы пойдём вдвоём! – и загоготал. Я только улыбнулся.

– Ну, ребята, ну прошу вас. Хотя бы немного погуляем, а затем вы сразу пойдёте пить.

Немного экскурсии, ну пожалуйста.

– Ну ладно, – в конце концов сдался я под осуждающим взглядом Рета.

– Ура! – крикнула Арвен и полезла через стол обниматься, но остановилась, когда опрокинула тарелку с супом. Янтарно-мутная жидкость с различными кусочками того и другого потекла по столу и начала капать вниз. А девушка виновато опустила на место.

– Ничего, Арвен. Похудеешь заодно... – решил сострить Рет.

– Я четыре дня худела. Пойду, попрошу ещё супа.

Когда мы вдоволь наелись, идти куда-то совершенно не хотелось. Но Арвен было не унять, она буквально за руки нас вытащила из прохладного зала на пыльную жаркую людную улицу. Там и застряла, не в силах выбрать, в какую сторону идти.

В Третьем Торговом осматривать, по сути, кроме самого рынка, нечего. Все достопримечательности огородили забором и оставили лично для себя наиболее влиятельные торговцы города. А возгласы продавцов слышны даже здесь. Уже через минуту мы вошли в торговые ряды (до этого шли жилые скучные серые дома и гостиницы, таверны, бары).

По ярко выраженному восторгу Арвен было понятно, что в Торговых она не бывала. Да и на рынках, скорее всего, тоже. словно ребёнок, бегала от прилавка к прилавку, пропускала мимо ушей все лестные зазывающие комплименты торгашей, пользовалась абсолютно каждым случаем, когда ей предлагали потрогать, подержать, погладить ту или иную безделушку. Перемерила с десятков серёжек и колец, «переговорила» со всеми встретившимися ручными зверьками. Возможно, оставила бы тут все деньги, но вдруг замечала на другом прилавке какую-то другую непонятную интересную штуковину, всё бросала и неслась туда. Так что нам с Ретом не приходилось её отговаривать от покупок и оттаскивать от торговых лавок.

Мы просто шли посередине дороги и разговаривали. То трювили шутки по поводу её возбуждённого поведения, то хвастались, кто что на свете повидал, то горячо обсуждали новинки ассортимента, о которых не подозревали раньше. И вдруг мы заметили продавца с холодным оружием и сразу направились туда. Нет, покупать ничего не собирались. И сравнивать не хотели своё оружие и то, что на прилавке. Просто хотели знать, к чему следует быть готовым.

Сеть с крючьями – было. Но теперь она стала легче, чем раньше – меньше металла. И едва ли меньше эффективности. А вот на копье защитных пластин раньше не было. Махать таким, пожалуй, неудобно, но ничего не умеющему новичку будет впору.

– Это что? – я поднял клинок... странно такое называть клинком. Тонкий, как ветка, но прямой и длинный. Непривычно лёгкий, всё лезвие (если его можно так назвать) не острое, а круглое и гладкое. Острый только самый наконечник. Между рукоятью и «лезвием» надета полусфера центром к рукояти. Вероятно, для защиты рук. Но блин, для чего эта штука может сгодиться?

– Это рапира. Оружие привезли с запада, – произнёс торговец с некоторой досадой. Этот клинок явно у многих вызывает любопытство... А затем смех.

– И что она может? – я взмахнул рапирой в свободное пространство. На каждый взмах клинок сгибался, извивался и казался совершенно самовольным, неуправляемым.

– Она может колоть. Из-за своей лёгкости быстра и стремительна. Если обладать достаточной сноровкой, то...

– А защищаться этим не получится, да? – перебил Рет.

– Вы зря недооцениваете клинок, сэр. Я сражаться им не умею, но у меня на родине таким оружием выделявали невообразимые пируэты. Мне приходилось наблюдать такие захватывающие сражения, что...

– Защищаться этим не получится? – перебил уже на этот раз я. – Ну-ка, Рет.

Тот обнажил катану, но торговец нас остановил:

– Стойте! Вы же не умеете!

– Что не умеем? – удивился я. – У меня у самого меч!

– Это другое оружие! Оно нежное и хрупкое в неосторожных руках.

– Хрупкое? – спросил я и сразу положил рапиру на место. – Какой идиот полезет в бой с хрупким оружием.

– Вы не поняли! – торговец побагровел и перешёл на крик. – Оно хрупкое лишь в неумелых руках. У меня на родине...

– Нужно будет туда заглянуть, – произнёс с азартом Рет и вернул катану в ножны. Торговца уже трясло от ненависти, и ему больших трудов стоило держать себя в руках. Вдруг появилась Арвен.

– Ну, где вы? Я вас потеряла! Оружие осматриваете?

– Да, ты ещё ничего не купила? – спросил я. Арвен удивилась и раздосадовано произнесла:

– А что, совсем не видно?

Девушка вся извилась и искрутилась, но повернулась к нам как бы невзначай именно так, чтобы всё отошло на второй план, а впереди оказалась блестящая золотистая серёжка с тремя изумрудами на болтающемся диске диаметром с половину большого пальца.

– Одна, что ли? – спросил я.

– Нет, две! – произнесла она уже радостно и замотала головой, показывая обе серёжки. Диски весело подпрыгивали, а вообще ей было очень к лицу. Вдруг схватила нас за руки. – Идём дальше, не стоит нам теряться.

Мы пошли дальше, Арвен уже не бегала по соседним прилавкам, там было неинтересно. Сначала шло различное холодное оружие, но девушка не давала нам спокойно изучать ассортимент. Затем еда, но, будучи сытыми, мы прошли этот участок без задержек. А затем огнестрельное оружие. Причём с охраной.

Внушительного вида бугаи стояли почти возле каждого прилавка, у каждого на поясе кобура с пистолетом и ножны с мечом, а в руках некоторые из охранников держали автоматы.

– Смотрите, сколько оружия! – воскликнула Арвен. – А говорят, пуль не хватает.

– У этих продавцов действительно мало пуль, – ответил я.

– Но вон, они и охрану вооружили, – не сдавалась девушка.

– Автоматы гарантировано пустые, может разве в патроннике одна пуля валяется на всякий случай, и то вряд ли.

– Я бы сказал, что и пистолеты у большинства пустые, – добавил Рет.

– Вы врётё! Это же не имеет смысла! – произнесла медсестра. И как она не понимает?

– Посмотри на вон того охранника, который невзначай направил автомат в нашу сторону. Тебе страшно?

– Ну, не то чтобы очень, вы ведь со мной. А так-то в целом есть немного, вдруг он выстрелит случайно или...

– Вот именно! Эти автоматы они держат в руках, чтобы производить впечатление, запугивать противника и останавливать возможных воров и грабителей. Оружие запугивает людей до сих пор, хотя цены уже не имеет. Кружка пива в таверне дороже любого из автоматов охранников.

– Но почему так? Почему пули являются самым дорогим товаром, а оружие нет?

– Потому что оружие девать некуда. Его до хрена. А заряжать нечем. Это груда металлолома, если стрелять нечем. Любой здравомыслящий человек и половина существующих психов выбросят автомат, который тащат с собой, если пули закончатся. Причём большая часть этих людей, скорее всего, извлечёт все пули и выбросит оружие заранее, потому что металлолом тяжёлый. Ты никогда не спотыкалась в пустыне об оставленный автомат, который не засыпало песком, или наоборот – ветер весь песок с него сдул?

– Нет, – замотала головой девушка.

– Везёт, – произнёс меланхолично Рет.

– Люди? – вдруг удивилась Арвен.

– В смысле? – не понял я и посмотрел вперёд. Следом за огнестрельным оружием были торговцы рабами. – А что тебя удивляет?

– Они действительно торгуют людьми?

– Брось, Арвен! Это не может быть дико для тебя! – произнёс Рет.

– Дико! Варварство! Как так можно? – стала она возмущаться.

– Успокойся! – сказал я.

– Нет! – сказала, как отрезала, медсестра. – Мы... мы должны им помочь.

Я поперхнулся собственной слюной от неожиданности. А далее даже не сдерживал накативший смех. Рет тоже. Мы смеялись во весь голос.

– Я серьёзно! Не издевайтесь! Их нужно освободить!

– Арвен, хах, освободить, ну надо же! – Рет повалился на жёсткий песок, не прекращая смех. Я смог устоять на ногах.

– И что, хаха, ты собралась, хах, с ними делать? Ха-ха-ха, как ты собралась, хах, их освободить? Ни я, ни Рет со всей хахраной не справимся! – было очень тяжело говорить сквозь смех.

– Мы можем их купить. Всех! – придумала она гениальную идею.

Нас подхватил очередной приступ смеха.

– Ну, хватит, мальчики, ну серьёзно! Мы должны их всех выкупить! Сколько у тебя денег?

– Нет, Арвен, – заговорил сквозь смех Рет, валявшийся на песке. – Твоя идея – твои деньги. Я в это, хах, сомнительное дело вкладываться не буду! – дальше он говорить не мог, смех его уложил на обе лопатки. А медсестра перевела строгий взгляд на меня. Под этим взглядом я смог более-менее успокоиться, хотя иногда из меня вырывался смешок.

– Так, Арвен, ха. Что ты собралась делать со всеми выкупленными рабами? Вставай, Рет. Ты на песке как бомж смотришься, – сказал я и протянул Рету руку.

– Иди к чёрту, – парировал он и схватился за протянутую ладонь. Встал и начал отряхиваться.

– Ну, мы их выкупим и отпустим.

Рета чуть было не хватил ещё один приступ смеха. Но я его успокоил.

– Спокойно, Рет, спокойно. Ахах! Не смейся, опять свалишься...

– Давайте серьёзно! – возмутилась девушка.

– Давай серьёзно, – я подошёл к Арвен, положил ей руку на плечо и прижал поближе, одновременно подталкивая вперёд. Главное, миновать эту часть рынка. Я снизил тон, чтобы заинтересовать девушку, авось пронесёт от глупостей. – Поставь себя на место рабов. Куда им идти?

– Они могут, как и мы, путешествовать по миру.

– Вместе с нами? Их нужно кормить, поить...

– А мы их не прокормим?

– Тогда они так и останутся рабами, просто владельцами станем мы. Мне рабы не нужны. Я и сам могу со всем справиться. Рету тоже.

– Но мы их можем отпустить, пойдут своей дорогой.

– Куда, Арвен?

– Куда-нибудь. Ты же тоже без дома! Путешествуешь и живёшь вполне нормально!

– Они не умеют выживать. Они не умеют сражаться.

– Но...

– К тому же!.. – перебил я, повысив тон. Затем опять продолжил тихо: – К тому же у них нет оружия, нет денег на еду. У них ничего нет, и свобода им не нужна.

– У них должен быть дом! Они где-то родились! Где-то должны быть родные, друзья, которые свободны и смогут приютить своего...

– Арвен, какие родные? Они не смогут добраться до своих родных и друзей. Их либо убьют, либо опять поймают и отправят в рабы, а скорее всего они сами придут к какому-нибудь богачу и попросят ошейник.

– Ты не прав, вот увидишь! Спросим, узнаем и проводим! – Арвен вдруг сбросила с плеча мою руку, оттолкнула меня и произнесла какому-то продавцу: – Триста пятьдесят!

Возле продавца в белом балахоне стояли два парня, одетых в светлые штаны и куртки из плотной ткани. Наверняка, внутри вшиты стальные пластины, или кольца, или другая броня, либо одета под низ. Но одежда выглядела красиво и казалась дорогой. Впрочем, наверняка

стоила ещё дороже, чем казалась. Я краем уха слышал, как те люди торговались и сбросили цену на раба до двух сотен. Арвен рубила с плеча с такой ценой. Собралась, называется, выкупить всех рабов на рынке.

– Арвен, ты с ума сошла? Ты хоть смотрела, кого покупаешь?

– Четыреста! – произнёс один из парней, злобно оскалившись в нашу сторону.

Продавец тут же засуетился, почувствовав наживу. Вывел из общего ряда рабов бледного невысокого раба в серой рваной тунике. В некоторых местах на тунике были прогоревшие дырки, да и на руках у парня видны были зажившие, но не сошедшие ожоги. На шее висел стальной ошейник. Блин, да ему сотня – красная цена. Эти два покупателя торговаться не умеют, а продавец их разводит. И тут вдруг в общий пляс под дудку торгаша присоединяется Арвен.

– Э-э, вот этого, – протараторил продавец, демонстрируя товар.

– Вот этого? Тогда за пятьсот! – с энтузиазмом произнесла медсестра. Орать не стоит, продавец и конкурирующие покупатели услышат. Потому я ей на ухо заговорил:

– Ты на эти деньги сможешь купить двух, трёх или даже четырёх рабов!

– Шесть сотен, – произнёс тот из двоих, что белобрысый. Темноволосый что-то зашептал парню. А Арвен зашептала мне:

– Остальных и куплю дешевле. А если не куплю этого, его заберут те двое, нужно же всем помочь. Семьсот!

– Сильный, красивый, умеет всё, что скажете, выносливый, трудолюбивый, – перечислял продавец всё, чего не было у раба.

– Восемьсот! – выкрикнули конкуренты.

– Ты дура? Они другого потом купят!

– Они уйдут сегодня ни с чем, – заверила меня Арвен и выкрикнула: – Тысяча!

Идиотизм. Эти раскошеляются, чтобы не запятнать своё положение в обществе, чтобы не позволить какой-то девке их перекупить. А эта идиотка готова отдать любые деньги, чтобы спасти одного несчастного раба от покупки неизвестно кем. Мир сошёл с ума!

– Тысяча сто!

– Тысяча двести!

– Тысяча триста!

– Тысяча четыреста!

Казалось, они называют не цену, а ширину улыбки продавца. Как ни странно, улыбаться до ушей – это не предел.

– Полторы тысячи! – с каждой новой ценой двое всё сильнее раздражались и злились.

– Тысяча шестьсот! – а эта, наоборот, с каждой ценой становилась всё веселее. Всё крепче держал её азарт и задор. Она намерена отдать всё, что есть, возможно, продать себя, лишь бы хватило. Это нужно прекращать.

– Уходим! – сказал я и схватил её за плечо. Она тут же сбросила мою руку и крикнула:

– Не трогай меня! Тысяча девятьсот!

– Ты совсем из ума выжила! Я говорил тебе, что у тебя нет чувства меры?

– Пуля! – произнёс один из конкурентов. Вынул пистолет, передёрнул затвор, и оружие выплонуло в подставленную ладонь небольшой патрон.

Весь рынок затих. Все и так с интересом наблюдали за торговлей, гадали, кто сколько готов выложить, кумекали и рассуждали. Но после такого заявления каждый замолчал. Это действительно дорого, отдать пулю за раба. На эту пулю можно десяток рабов выкупить, если хорошо поторговаться. И все были бы лучше, чем этот.

– Пусть забирают, Арвен! – я схватил её за руку, но она вырвалась, вытянула из сумки транквилизатор и направила в меня со словами:

– Я его им не отдам! – девушка предусмотрительно отступила на пару шагов и произнесла продавцу: – Две пули!

– Да ты с ума сошла! – сказал я, но не двинулся. Эта дура выстрелит. Я её знаю. Уже стреляла.

Все теперь смотрели на двоих парней. Осмелятся ли они дать больше за раба? Ребята что-то горячо обсуждали, но так, чтобы никто не мог расслышать. Торгаш нетерпеливо ждал, и от приступа жадности у него тряслись колени. Один из конкурентов два раза дёрнул затвор и сказал:

– Три пули!

Толпа просто ахнула. А на лицах этих двоих заиграла довольная улыбка. Раскошелятся они сильно, но запомнят их надолго.

Теперь все смотрели на Арвен. Девушка задумалась на несколько секунд. Я дёрнулся вперёд, но транквилизатор тут же свистнул, игла пролетела рядом со мной. Следующей она не промахнётся... Сумасшедшая... Свободной рукой она достала из своей сумки пистолет, вынула магазин и произнесла:

– Обойма! Полная. Семь пуль.

Народ даже звука не издал. Настолько был поражён. Замерли после такого заявления все: и народ, и другие продавцы, и даже наши конкуренты. Только у Арвен на лице играла довольная улыбка.

Первым отошёл от оцепенения наш торгаш. Бросил полный досады взгляд на двух парней в светлых одеждах, и сразу повернулся к Арвен, резко выхватил из её рук обойму, словно боялся, что девушка вдруг передумает и уйдёт, или произойдёт какая-то ещё чертовщина, которая нарушит сделку.

– П-прод-дан-но!!! – дрожащим заикающимся голосом произнёс продавец, схватил раба за плечо и нежно, словно хрупкую вазу, потянул в сторону новой владелицы.

– Кейнс, – произнесла она, глядя искрящимися от счастья глазами, – Я у них выиграла! – произнесла Арвен счастливым голосом. Казалось, сейчас начнёт прыгать, плясать и показывать тем двум парням язык.

– Да ты хоть понимаешь, что натворила?

– Ой, прости, я... это я в пылу, я не хотела... – она убрала транквилизатор в сумку и подошла ко мне. У меня не осталось слов. Я бросился к Арвен. Схватил за руку и сказал абсолютно серьёзно:

– Уходим, срочно!

– А что ты такой грустный? Да ты посмотри теперь на их лица? Они же...

– Их лица – не самое страшное, Арвен. Нужно срочно уходить!

– Да в чём дело-то? Эй! А раба? Ай! – я дёрнул её за руку.

– Замолчи, ничего не говори. Раб идёт за нами, видишь?

Новокупленный компаньон наших путешествий действительно следовал за нами. Не, такому свобода не нужна. Он покорен, сломлен и совсем не готов к дикой среде. Рет шёл последним, но быстро догонял.

– Ты совсем с ума сошла? – резко произнёс он.

– Потом, Рет! Мы ещё в городе!

– А мы что, уходим из города? – вдруг добавила медсестра.

– Вы можете оба замолчать? Снаружи наговоримся!

Арвен несколько раз пыталась узнать причины нашей с Ретом злости. Что за наивное существо? Она даже не поняла, что сделала.

Едва мы вышли за пределы города, я спросил:

– Сколько у тебя патронов?

– Ещё одна обойма. Да не тяни меня так! Больно же! Сейчас можно спрашивать?

- Мы уходим из города и всю ночь будем идти. Я ответил на твои вопросы?
- Почему? Что произошло? Мы не поужинали, не поспали, ай! Выпусти меня, сама пойду! – Арвен вырвала руку и отошла от меня на безопасное расстояние, как вдруг с той стороны её начал прижимать Рет. – Всё настроение испортили!
- Ты всю ночь нам испортила! – воскликнул Рет. – Кейнс, в следующий раз запираем девку в комнате и бухаем до утра!
- Осторожней с выражениями! – огрызнулась девушка. – Что я такого сделала? Купила раба. Освободить его хочу...
- Ты не просто купила раба. Ты купила его за огромнейшую цену. Ты только что показала толпе жадных бесчестных людей, что ты невероятно богата и вполне можешь позволить отдать целую обойму за жалкого, ни на что негодного раба.
- Не говори так! Он хороший! Продавец сказал...
- Продавец врал! Только зачем, не знаю. Ты бы его и так купила по той же цене. А эта толпа сейчас... О! Я так и думал. Посмотри назад.
- Арвен оглянулась. Мы уже прилично отошли от города. Раб следовал за нами, не отставая. Шагал босыми ногами по раскалённому песку и чувствовал себя нормально. Но дело не в этом. Позади него, метров через двести-триста, шли пятеро мужиков. Явно следовали за нами.
- Пусть оставит обойму целой. У меня на такие случаи найдётся пуля, – произнёс Рет. – Всегда мечтал выстрелить хотя бы разок из этой штуки.
- Он остановился, вынул из кармана пистолет, передёрнул затвор и повернулся в сторону преследователей. Те сразу остановились. Рет поднял прицел демонстративно выше и выстрелил. Преследователи тут же развернулись и направились обратно в город. По идее, и остальных возможных любителей наживы этот предупредительный выстрел отпугнёт.
- Теперь нас посчитают ещё богаче, – проговорил Рет. – Пуля в воздух любого отпугнёт. Все в городе теперь будут считать, что у нас с собой целый арсенал.
- Главное, чтобы в последующих городах об этом не узнали раньше, чем мы эти города пересечём.
- Хотелось бы послушать, как в баре перескажут историю о сегодняшней торговле.
- Иди! Потом догонишь.
- Рет засмеялся.
- Потом вы меня будете догонять. Правда, только по дороге на тот свет. Эй! – он присвистнул следующему за нами рабу. Снял с плеча сумку и протянул. – На, неси. Хоть какая-то от тебя...
- Он не понесёт рюкзак! – произнесла Арвен.
- Что? – обомлел Рет.
- Он не понесёт рюкзак! Это мой раб! Я его купила, мне и решать!
- Ты в своём уме? А на хрена его тогда покупала?
- Чтобы освободить! – гордо произнесла медсестра.
- Не надо свободы! – начал говорить раб.
- Как нет? – Арвен остановилась.
- Не нужно свободы, прошу вас! – он взял рюкзак у Рета и накинул одной лямкой себе на плечо. Кисло улыбнулся.
- Но почему?
- А что мне с ней делать? Мне некуда идти, у меня ничего нет!
- Мы дадим всё необходимое!
- Мне ничего не нужно. Я не умею этим пользоваться.
- Научишься! – не отставала упрямая Арвен.
- Прошу вас! – раб встал на колени. – Умоляю! Не освобождайте меня, мне некуда идти!
- У тебя нет родных? Нет друзей?

– У меня никого нет! – он готов был расплакаться.

– Арвен! – вмешался я. – Хватит мучать раба! Он никуда не уйдёт. Ты только что на ветер выбросила семь пуль, а Рета заставила выстрелить восьмую.

Медсестра ещё с минуту пыталась осознать, что происходит. Ей всё происходящее казалось диким, нелогичным и невероятным. Но в конце концов она смиловилась над рабом.

– Ладно, пойдёшь с нами. Но сумку он не понесёт. Рет, забери сумку!

– И не подумаю! – Рет тронулся вперёд, оставив Арвен с рабом позади.

– Кейнс! – повернулась она в мою сторону.

– Пф-ф! И не подумаю! – я догнал Рета. А медсестра и её покупка стояли на месте.

– Тогда... тогда я сама понесу! Дай сюда!

– Госпожа, не надо!

– Я приказываю тебе отдать мне рюкзак! Немедленно!

Она отобрала сумку и двинулась за нами. Раб пошёл следом.

Чёрные мстители

Я терпел несколько часов сложившееся молчание. Опять бойкот! И ладно бы она просто не разговаривала. Но нет, под такое невозможно и с Ретом поговорить. Как у неё получается – испортить настроение и себе, и всем вокруг?

– Может, хватит дуться? – не выдержал я, когда небо потемнело, а солнце уступило место луне, под ярким и роскошным светом софитовых звёзд взгромоздившейся на небосвод. – Сама виновата. Сделала покупку, которая не нужна ни тебе, ни нам. Это твоя самая дорогая и бессмысленная сделка!

Молчание. По-прежнему тащит рюкзак, уткнувшись взглядом себе под ноги. Она меня хоть слышит? Ладно, придётся надавить на принципы. Иначе рот не раскроет.

– Давай сюда рюкзак, – я потянул за ляжку, стаскивая с её плеча сумку. Но Арвен резко дёрнулась в сторону и закричала:

– Не трогай меня! Сама донесу! Вы мне вообще не нужны! В ближайшем городе разойдёмся, теперь у меня есть защитник!

Раб даже поник после её слов. Какой, на хрен, из него защитник? Впрочем, Арвен, скорее всего, за них обоих постоит. Ладно, зайдём с другой стороны.

– Как своего раба-то назовёшь?

– В смысле? – Арвен подняла голову. Наконец-то, отклик!

– В прямом! Не будет же он ходить безымянный?

Девушка посмотрела на раба, тот был весь во внимании. Ему и самому было интересно, как его назовут. А ещё важно запомнить. На это имя ему потом откликаться.

– А как тебя зовут? – спросила она тёплым материнским голосом.

– Как скажете, госпожа, – парировал он.

– Не зови меня госпожой. Просто Арвен. Как тебя называли раньше?

– Я не помню, Арвен, – снова парировал безымянный. Но он быстро вживался в роль. Послушный и понятливый. Хоть это качество ему привили, уже неплохо.

– Как не помнишь? Тебя же называл как-то предыдущий хозяин?

– Я не помню своего имени, Арвен, – ответил он с абсолютно ничего не выражающим лицом.

– А продавец как тебя называл? – не унималась медсестра.

– Простите, Арвен, но этого я тоже не помню.

– Разве обязательно каждый раз звать меня по имени?

– Вовсе нет, Ар... – он осекся. Некоторые привычки тяжело забыть, ну да ладно, привыкнет. – Простите, пожалуйста. Вовсе нет.

– Так как ты не помнишь своих имён? У тебя их было, что ли, настолько много?

– Я не помню, Арв... – опять осекся. – Простите, пожалуйста.

– Ничего страшного. Ты совсем ничего не помнишь?

Раб вдруг упал на колени и сжал ладони в молитве.

– Не наказывайте, пожалуйста! У меня хорошая память, но имён своих я не знаю!

– Поднимись! – Арвен взяла парня за локоть и помогла подняться. – Я не собираюсь тебя наказывать. Просто скажи мне имя.

– Я не могу, Арвен!

– Почему не можешь?

– Потому что им не разрешено! – влез я в их диалог. Мы с Ретом далеко от них отошли, ибо не стали останавливаться, когда раб на колени упал. Да и сейчас невозмутимо продолжали путь. Арвен понеслась за нами следом. Догнала и спросила:

– Почему нельзя?

– Знаешь, всем рабам рассказывают одну легенду. Жил-был один купец, который купил себе раба. И решил проверить, насколько тот привязался к предыдущему хозяину, либо к прежней жизни. И спросил он раба своего: «Как тебя зовут?» А раб ответил, что не знает. Потому что если он скажет своё прежнее имя, то хозяин решит: раб привязан к прежней жизни. Может предать, может сбежать, может сравнивать хозяев и говорить, да кумекать, дескать: «Был у меня прежний хозяин. Добрейшей души человек. А пришлось продать меня. А это жестокий, этот изверг. Он злой и нехороший!». Хозяин пообещал рабу, что если тот расскажет имя, то не накажет. Раб отказался говорить своё имя. Хозяин пообещал дать лёгкую работу, пообещал накормить и напоить раба тотчас же. Раб отказался. Хозяин сказал, что не собирается выдумывать имена, что ему лень, и если раб не скажет имя, хозяин накажет его десятью ударами розгой. И раб сказал своё имя. В тот же час он получил сто ударов розгой за то, что помнил прежнюю жизнь. Не волнуйся, Арвен. Что бы ты ему не обещала, он не скажет тебе своё прежнее имя.

– Но я и правда ничего ему не сделаю.

– Можешь и не пытаться разговорить раба. Кроме этой, им ещё много подобных легенд рассказывают. И про добрую и честную хозяйку, вроде тебя, тоже похожих историй полно.

– Но...

– Полно! – повторил я, повысив голос. – Успокойся и перестань мучать парня. Назови его как-нибудь.

– Это нечестно! Я не хочу ему придумывать имя!

– А он не хочет наказания. Давай, Арвен. Ты теперь у нас рабовладелица. Пора принять и соответствующие положения проблемы.

– Я не знаю! – развела она руками. Прижалась тыльной стороной ладони к подбородку и задумалась. – Ну... ну пусть будет Джерико.

– Красивое имя, мне нравится, – ответил Джерико.

Рет фыркнул, я тоже. Как будто рабы могут что-то другое ответить. Ничего подобного от них не дождёшься. Особенно от адресированных, которые лишь шаблонами отвечают. Однако Арвен нашу реакцию проигнорировала.

– А сколько тебе лет? Это же не запрещено говорить?

– Нет, не запрещено, Арвен. Двадцать один.

– Что ты о себе ещё можешь рассказать?

– Вы спрашивайте, я отвечу, – красиво парировал он. Один из лучших способов рассказать о себе не больше требуемого.

– Обращайся ко мне на «ты», мы же ровесники.

– Ко мне на «вы» обращайся! – ехидно заговорил Рет. – Я в полтора раза тебя старше.

Мне тридцать два.

– Мне тоже тридцать два, – сказал я. – Но обращайся ко мне на «ты».

– А как звать охранников госпожи Арвен?

Мы с Ретом просто взорвались смехом, едва устояв на ногах. Впрочем, у меня смех довольно быстро прошёл, когда я задумался. А ведь парень говорит, что думает... Чёрт возьми, да нас охранниками весь Третий Торговый запомнит, не иначе!

Под безудержный смех Рета я произнёс спокойным голосом:

– Я Кейнс. Он Рет. И это не мы следуем за Арвен, а она за нами. Привязалась, как банный лист, и не отмоешь.

– Эй! – возмутилась Арвен.

– Ох, ох-ран, ха-ха, охранники!!! Ухаха, ну надо же было нас так назвать! Ха-ха, хреновы охранники! Ох, умора!

– Рет! – решил я сбросить с парня навес иллюзий. – Нас ведь так не только Джерико посчитал. О нас так город легенду сложит! А в заголовке: Арвен и два её охранника выкупили раба по небесной цене!

Мой компадре тут же прекратил смеяться. Конечно, какой удар по самолюбию!..

– Ты же хотел услышать, как перевернут историю? – добавил я. – Вот как-то приблизительно вот так.

– Это нечестно! – расстроился Рет.

– А по-моему, красиво звучит! – повеселела медсестра. А потом повернулась к Джерико. – Да?

Тот скромно кивнул. А мне в голову пришла занятная мысль.

– Слушай, Арвен. А ведь ты не зря себе раба купила!

– К чему это ты? – Арвен сощурила глаза.

– Теперь у тебя есть игрушка для медицинских опытов. Можешь лечить его в своё удовольствие. Можешь истратить на него все медицинские препараты и прописать все имеющиеся у тебя лекарства, а нас с Ретом больше не трогать.

Девушка лишь хмыкнула в ответ, гордо задрала носик и ускорила шаг. Обиделась, наверное. Джерико не улыбнулся... он как был при покупке бледный и грустный, так и остался: бледный, грустный и безэмоциональный. Только Рет выгнул большой палец вверх. Ну, хоть он оценил шутку.

– Арвен, серьёзно. Будет у тебя всегда с собой ручная подопытная игрушка! – компадре посчитал своим долгом подчеркнуть мою идею. А вообще, лестно.

– Он не подопытный! – начала она раздражаться. – Кейнс! Ты хотел сумку нести!

– Когда я предлагал, ты отказалась. Теперь Джерико отдай.

– Кейнс! – действительно повторила она.

– Кейнс, возьми сумку! – произнёс вдруг настороженно Рет.

– В смысле? – спросил я и оглянулся. Далеко на горизонте было видно, что за нами кто-то гонится.

Я достал полубиноколь и присмотрелся, одновременно вытянув руку к Арвен. Она намёка не поняла и рюкзак не подала.

За нами гнались те два парня в светлых одеждах. Ехали на верблюдах – самая распространённая скотина. Выживает в пустыне, хорошо ходит по песку, неприхотлива, да ещё и легко поддаётся дрессировке, говорят погонщики. Травят легенды о том, как ещё при выходе из убежищ эти животные снова стали частью общества. А вообще, верблюд – роскошная вещь. Пьёт и жрёт много, да и стоит немалых денег.

Те, кто за нами гнались, могли себе позволить такую скотину. И сейчас быстро догнали нас. В свободной от поводьев руке держали винтовки с оптическим прицелом. Значит, на дистанции у нас нет никаких шансов, а в ближний бой эти не пойдут. Даже пуль не пожалеют. Смысл – жалеть патроны на того, у кого этого добра навалом?

Я осмотрелся вокруг: одна пустыня, лишь на западе, где-то через километр, видны какие-то камни красного, как глина, оттенка. Да, скорее всего и есть глина.

– Нужно бежать туда! – озвучил Рет мои мысли, указывая в ту же сторону. – Здесь, на ровном песке, нет шансов!

Все бросились на запад, я на бегу сорвал с плеч Арвен рюкзак и накинул себе на спину. И так отстанет, а с грузом на спине, так и вовсе не успеет. Мы бежали изо всех сил. Несколько раз спотыкались, но не падали. Камни приближались слишком медленно. Оставалось ещё минимум четверть пути, а погонщики были слишком близко.

– Арвен! Пистолет! – выкрикнул я.

Девушка на бегу полезла в сумку, вынула оттуда оружие, чёрный и отполированный до блеска ТТ. Какой-то пузырёк вывалился и исчез в песке. Неважно! Арвен протянула оружие. Я закричал:

– Да не мне – Рету! Я не умею стрелять!

Медсестра передала ему оружие, а затем опять начала копаться в сумке и извлекла обойму. Рет зарядил пистолет, передёрнул затвор и изогнулся вокруг оси, продолжая бежать вперёд. Выстрелил, но промахнулся. Погонщики тут же остановили верблюдов и вытянули в руках винтовки.

Нам в спину прозвучал первый выстрел. Пуля пролетела мимо и взрыла песок ещё метров через десять. Затем раздался второй, Арвен вскрикнула и упала. Пуля пробила левое бедро насквозь и воткнулась в землю перед нами.

– Арвен! Поднимайся, мы должны добежать! – крикнул я, швырнул сумку Джерико и подхватил девушку под левое плечо. Рет поддерживал её с правого боку. – Мы должны успеть. Там спасёмся, слышишь?

– Да слышу я! Мне больно! – вскрикнула медсестра, прыгая на правой ноге и на каждый прыжок издавая стон. – Долго ещё?

Ещё один выстрел. Я даже не видел, где пуля приземлилась. Казалось, она до нас не долетела.

– Ещё сто метров. Держись! Уже меньше.

– Осталось совсем чуть-чуть, Арвен! – поддерживал Рет. – Давай одна!

– Ты куда? Стой! – взмолилась Арвен, когда тот выпустил её.

– Джерико! – крикнул я. Тот заменил Рета, пока наш стрелок остановился и медленно целился в погонщиков. Я никогда не верил, что пуля способна поразить цель на большом расстоянии. Вон сколько места, полный простор! А пуля размером меньше мизинца. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы пуля попадала в цель с расстояния большего, чем можно дотянуться катаной. И вот, это случилось, да ещё и с Арвен.

Я услышал выстрел. Совсем рядом. Это был Рет, который тут же выругался. Скорее всего, промахнулся.

– Осталось десять метров. Держись! – сказал я.

Ещё один громкий выстрел позади. Пуля пробила шею Джерико, тот повалился и даже не закричал – захрипел, роняя и нас с Арвен. Наверно, спас нас, потому что следующая пуля прошла мимо.

Подбежал Рет и помог Арвен подняться, хотел подхватить под плечо, но та оттолкнула его.

– Помоги Джерико! Сама дойду! – крикнула она. Парень бросил презрительный взгляд на раба. Но всё же нагнулся, схватил того за руки и потащил к укрытию.

Мы с Арвен первыми добрались до камней – огромные глинистые комки с застрявшими в высохшей массе камешками беспорядочно занимали огромный участок пустыни. Можно легко затеряться от погони в этом лабиринте.

Медсестра села и начала рыться в сумке, доставая бинты и мази. Раздался ещё выстрел. Но вроде промах. Рет появился из-за поворота и тянул по песку истекающего кровью Джерико. Ещё раз прогремела винтовка погонщиков. Пуля вошла в ногу раба чуть ниже колена и осталась там. Бедолагу передёрнуло, но он не смог издать ни звука, даже хрип давался ему с трудом.

– Сюда, быстро! – произнесла Арвен. Рет положил бедолагу перед доктором. Вынул пистолет и встал у края камня. Глубоко вздохнул и вышел на линию огня.

Девушка приложила связку бинтов к ноге Джерико и тут же зафиксировала её другим бинтом в два мотка. Потом передвинулась ближе к шее.

– Ты серьёзно? Он же труп! – крикнул я.

– Я могу его вылечить! – ответила Арвен и прикрыла рану рукой. – Мне нужно время.

– Да ты с ума сошла! У нас нет времени!

– Не мешай! – левой рукой она вынимала какие-то мази и жидкости, затем пролила содержимое на бинты, сложенные на коленях, продолжая прикрывать рану Джерико правой рукой.

Рет сделал пару выстрелов и вернулся в убежище за мгновение, прежде чем вновь прогремели винтовки погонщиков. Сделав ещё один глубокий вздох, и что-то пробурчав под нос, Рет снова вышел из укрытия. Тщательно прицелился и выстрелил.

– Чёрт возьми, да это невозможно – попасть! – выругался он.

– Арвен, нам нужно уходить! – попытался я убедить её.

– Я не брошу Джерико! – девушка прижала смоченные бинты к ране на шее, одновременно ковыряясь там какими-то блестящими медицинскими приборами. Кровь ещё текла, но заметно медленнее.

Я приложил руку к груди раба.

– Сердце не стучит. Он мёртв, Арвен!

– Его можно перезапустить! Три минуты – время клинической смерти. Нужно только остановить кровь.

– У нас нет трёх минут! – сказал я, но девушка не слушала. Бросила свободной от бинтов рукой окровавленные приборы в сумку и вытащила скальпель.

Я схватился за голову. Что делать? Идиот! Нужно было взять Арвен на руки! Дошли бы быстрее! Может, и Джерико не задело бы... А теперь... Блин! И вдруг я увидел в наплечной медсумке транквилизатор и понял, что делать.

Два резких движения, Арвен ничего не успела понять или среагировать. Даже, казалось, не почувствовала укола. Секунд десять продолжала работу, сделала глубокий прорез на шее. Наверно, открывала доступ к трахеям. А потом её руки отяжелели. Девушка отчаянно пыталась их поднять, даже не задумываясь о причинах недуга. Я не стал дожидаться полного эффекта, не стал собирать разбросанные лекарства и приборы. Подхватил Арвен на руки и крикнул:

– Отступаем, Рет!

– Давно пора! – ответил он, но голос заглушили выстрелы винтовок. Пули влетали в разделявший нас и врагов валун, разбрасывая в стороны мелкие камешки и кусочки глины, которые сыпались на голову.

Рана Арвен кровоточила, но не сильно, должна поправиться. Мой компадре подхватил рюкзак с палатками и кое-какие приборы и лекарства, на скорую руку раскидав по карманам. Сумка с медикаментами по-прежнему висела на плече девушки, хоть и угрожающе открытая нараспашку. Я не стал ждать Рета: догонит. Побежал мимо валунов вглубь лабиринта, где погонщики не смогут нас найти, если повезёт. Компаньон догнал меня через минуту. А ещё через минуту мы вышли к какой-то пещере, уходящей вниз – идеальный вариант. Врагам ничего не будет видно, а их из темноты – как на ладони.

Спустившись на пару метров по некрутому склону, мы добрались до ближайшего поворота. Рет занял оборону, держа наизготовку пистолет. Я потянулся в волшебную сумку Арвен и наощупь извлёк бинты. Рану обработает потом сама. Сейчас, главное, кровь остановить...

Зализывая раны

Я на ощупь перевязал рану спящей Арвен, а затем присоединился к Рету. Погонщики не посмели спускаться за нами. Мы с Ретом стерегли вход до самого утра, перешёптываясь и строя предположения о том, что происходит наверху. В результате долгих споров решили: либо они встали около пещеры и следят за выходом, ожидая, либо заблудились среди глиняных валунов на поверхности, либо вовсе ушли. Вероятность версий снижалась в таком порядке.

Затем разговоры плавно перешли на другие темы: потерю Джериго, ранения Арвен. Кстати об Арвен: это была глупая идея – брать её с собой. Вот что из этого вышло. Мы десять раз согласились друг с другом, что можно было понести мечи к кузнецу, либо припереть девушку к стенке и выпытать ключи, а самое главное, перед уходом из города привязать так, чтобы у неё не было возможности нас преследовать. Это решило бы все проблемы.

Следующей темой разговоров стали легенды, а именно легенда про последнюю выходку медсестры. Придумали и обсудили штук пятнадцать возможных вариантов легенд. Затем тихо посмеялись над тем, что наверняка местные Третьего Торгового всё равно всё расскажут по-другому, сколько бы мы ни предполагали. Потом поговорили о звёздах, о рассвете, и о том, что видели снаружи. А после решили задуматься над тактикой выхода наружу.

Полдень – самое ленивое время дня. Жара становится особо невыносимой, и двигаться в такую погоду хочется меньше обычного. Идеальный момент. Но до полудня ещё далеко. Солнце только встало. Арвен по-прежнему спала. Интересно, сколько длится эффект от транквилизатора? Если медсестра мне тогда не подсыпала снотворного во время сна, то где-то день-полтора.

Причина нападения была ясна, и тема исчерпала себя за несколько минут. Тут и думать нечего: мы на глазах у толпы подорвали авторитет этих людей, выкупив раба из-под носа. А в городе драки запрещены. Далее, мы начали ностальгически вспоминать былые времена, успешные контракты, лёгкие и сложные задания. Есть, что вспомнить, в общем.

А потом Рет поднялся на ноги и пошёл наружу, когда день приблизился к полудню. Я остался охранять Арвен. Внутри пещеры не видно ничего. Свет не доходил до нас, а подниматься выше – опасно.

Воцарившаяся тишина давила, нагнетая атмосферу. Слишком долго отсутствует Рета. А может, я просто потерял счёт времени? Рета-то голыми руками не возьмёшь – а тишина намекала на то, что выстрелов не было. Хуже, если их здесь просто-напросто не услышать.

Я тряхнул головой, чтобы согнать наваждение, а затем поднялся повыше: сидеть на одном месте стало невыносимо. В большом светлом пятне выхода появился тёмный силуэт.

– Это я! – крикнул компадре, и голос эхом прокатился по пещере до меня, а затем умчался дальше, быстро затухая по пути. – Иди сюда, твоя помощь нужна.

Помощь? Хм, странно. Какая помощь? Может, его заставляют так говорить? На всякий случай я обнажил меч и затем пошёл наружу.

– Убери меч, нормально всё, – добавил Рет под аккомпанемент поющих его голосом стен. Я убрал меч, значит всё действительно хорошо. Мой компаньон не стал бы безоружным выдавать меня врагам.

Так и есть, пусто. Рет не нашёл следов охотников, зато нашёл волка, грызущего тело Джериго. В одиночку справился со зверем, и теперь ему нужно помочь дотащить тушу до пещеры. Готовить наверху – не вариант. Если погонщики ещё здесь, дым выдаст нас с потрохами. На раба же было жалко смотреть: куча разорванного мяса, грудная клетка вскрыта, кишки небрежно отброшены в сторону.

Бросив пару словечек в память Джериго, мы вскрыли зверю брюхо, вынули потроха, взяли волка за лапы и потащили по песку мимо валунов из глины и камней, по пути снова и

снова рассматривая варианты приготовления еды на свежем воздухе. Благо, по пещере тащить тушу не пришлось. Столкнули – и покатила сама, переворачиваясь со спины на брюхо и перебирая лапами так, что казалось, живая ещё. А потом исчезла в темноте.

Мы решили спуститься вслед за ней более цивилизованным способом, хотя Рет и предлагал меня подтолкнуть. Уже внизу я достал зажигалку, щёлкнул кремнем и поджог шкуру. Надеюсь, Арвен привыкла к запаху, потому что наружу выходить не стоит, дым сейчас наружу летит и может привлечь погонщиков, а здесь мы в относительной безопасности. Надеюсь, вход в пещеру только один.

Огонь пополз по шкуре, всё ярче разгораясь и отгоняя темноту вглубь пещеры, вслед за убежавшим туда эхом. Неровное пламя осветило рельефные красно-коричневые стены из глины, потрескавшийся потолок, пол, засыпанный камешками и пылью, высыпавшимися через трещины; Рета, изучавшего пистолет и вспоминавшего уроки с прошлого; меня, довольно усевшегося у огня и следившего за процессом готовки еды; Арвен, сидевшую у стены, поджав ноги и обхватив колени.

– Ты как? – спросил я первое, что пришло в голову. Не ожидал, что она проснулась. Видать, я был прав насчёт дополнительной дозы снотворного. А ведь действительно, зачем заряжать иглу транквилизатора дозой дурмана на полтора дня?

Девушка медленно подняла глаза. Пустые стеклянные глаза человека, который мыслями находится точно не там, где сейчас тело.

– Зачем ты это сделал? – произнесла она без эмоций.

– Он был мёртв...

– Я могла спасти его, – девушка говорил медленным безразличным голосом. – Клиническое время смерти три минуты. То есть, время клинической смерти. Я могла.

– Он истёк кровью. Толку от того, что ты перезапустишь сердце, если качать нечего?

Арвен опустила глаза.

– Ты прав. Я дура. Я растерялась, – она уткнулась лицом в колени и заплакала.

Рет закрыл глаза и обречённо замотал головой.

– Арвен! – обратился он к девушке. – Хватит рыдать, этого уже не изменишь. Пиво будешь? – достал флягу, снял колпачок и демонстративно отпил, после чего протянул девушке.

– Нет, не нужно. Я справлюсь, – произнесла медсестра, слегка приподняв голову и уставившись на противоположную стену. Она уже не плакала, хоть и всхлипывала временами, но лицо стало красным. – И ты прав, Кейнс, ему нужно было обеспечить приток крови.

– Я этого не говорил!

– Нужно было достать катетер и иглы и сразу начать переливание крови.

– Чьей? – резко спросил я.

– Своей, – ответила она, посмотрев на меня. Причём говорила не в пример спокойным голосом. Затем вновь устремила взгляд в пустоту. – Я... нам хватило бы, я уверена. Знаю, что наудачу, но группа крови могла совпасть. Там нужно было совсем немного, я почти остановила кровотечение... Хотя нет, кровопотери велики, нужно сначала перекрыть кровотечение, затем переливание, не наоборот.

– Арвен! Прекрати! Забудь! – крикнул я.

– Почему? – вновь посмотрела на меня медсестра. – Я... э-э... если ещё раз такое случится, я должна не растеряться, я должна сейчас решить, что делать. Я должна заранее приготовить план действий, я не имею права теряться, я должна не... я не... я запуталась! – она сжала голову ладонями.

– Тебе нужно успокоиться. Забудь об этом! – произнёс я, но она меня не слышала. Только качала головой вперёд-назад, сжав пальцами волосы, и говорила под нос:

– Достать катетер и иглы, иглы в вены, и дать кровь, а потом зажимы, потом заниматься раной на шее, потом, а не сразу. Кровь останавливать – дело второе. Правильно сказал Кейнс,

сначала дать приток свежей крови взамен утерянной. А потом перекрывать. Но ведь он исте­чёт кровью! Тогда Кейнс не прав, он не понимает, что нужно сначала закрыть раны, а потом восстанавливать кровь, он не знает! А если он прав?

– Арвен!!! – не выдержал я её бормотания.

– А ещё рана на колене... оттуда тоже идёт кровь... Что? – она вдруг вопросительно уставилась на меня, причём весьма запоздало.

– Займись делом.

– Каким? – коротко ответила Арвен, слегка и не к месту помотав головой.

– Я тебе рану не обрабатывал как следует. Займись ею на всякий случай.

– Там нормально всё, я чувствую, – произнесла медсестра и вновь перевела взгляд в никуда. – Перевязать ногу, затем остановить кровь на шее и начать переливание, а потом запустить сердце. Но тогда я могу не успеть. Три минуты – клиническое время смерти. Всего три... слишком мало, нужно начать переливание раньше. Переливание, рана на шее, рана на колене, запуск сердца. Нет, рана на шее, переливание, колено, сердце. Нет, сначала переливание, потом шея, колено, сердце. Шея долго, колено быстро, переливание, сердце... сердце, переливание... – бормотала под нос Арвен, и голос становился всё тише.

А я сидел рядом и удивлённо смотрел не неё. Отказалась обработать рану? Случайность, или... Нужно проверить. Жалеть, наверно буду, но девушку срочно нужно чем-нибудь занять. Я вытянул свой меч на немного и провёл ладонью по лезвию.

– Ай! – не выдержал я и сморщился от боли. Блин! Когда в бою ранят, это не так больно, а сейчас... Как так-то? Не важно. – Арвен! – обратился я. Девушка закрыла глаза, губы не шевелились, а голова медленно опускалась на колени... Она заснула... Наверное, не стоит её сейчас будить. Подожду до завтра.

Я сжал ладонь в кулак, чтобы закрыть рану. Рет смотрел на меня странным взглядом, таким взглядом смотрят на психов.

– Что?

– Да нет, ничего, – замотал он головой и начал смотреть на огонь. – Бедная девчонка. Нельзя так убиваться из-за семи пуль.

– Дело не в пулях, – ответил я.

– Что ты такой серьёзный? Пошутил я. Не идиот, чтобы не понимать. Но она слишком убивается из-за раба.

– Скорее всего, дело в другом. Я думаю, это первый пациент, который погиб, пока Арвен ещё верила в свои силы.

– Думаешь, первый? – Рет ещё раз отпил из фляги с пивом и бросил взгляд вверх. – Возможно... – снова посмотрел в костёр. – По-моему, готово.

– Я не голоден, – ответил я. – Да и песка здесь нет...

– И что? Пусть горит дальше еда?

– Мне нравится, как огонь горит. Так успокаивающе...

Рет фыркнул.

– У тебя на поясе антидепрессант. Лучше всех настоек помогает. Посмотри на меня! – развёл он руками, демонстрируя себя самого.

– Зря мы взяли её с собой.

– Ага, столько проблем из-за неё случилось...

– А мы за ней не уследили...

Рет вдруг подавился пивом, которое пил.

– Тьфу ты, Кейнс. Уж не думаешь ли ты, что мы виноваты в том, что с ней произошло?

– В какой-то степени да, ведь она мира совсем не знает, не привыкла.

– Вот что я тебе скажу, Кейнс, – компадре отпил пива. Вытер пену со рта рукавом. – Мы ей не няньки. Она за нами пошла. Она купила раба. Она за рабом не уследила. А ещё не смогла избежать пули.

– Нам просто больше повезло.

– А ей меньше – всё просто! Я рад, что ты понимаешь, – сказал он, как тост, и выпил. А потом уставился на меня, ожидая, что я поддержу его.

– Да ты посмотри – она совсем ребёнок. Непонятно, как вообще выживала до встречи с нами.

– О! Это ты метко подметил! Она выживала до нас. Выживет и после.

– А пока она с нами. И мы в некотором ответе за неё.

– Не доведёт тебя до добра твоя... хм... отцовская забота. Ох, не доведёт... Ты спать будешь?

– Нет, я не усну.

– Тогда я спать. Следи за входом, погонщики могут явиться. Не они, так волки.

Рет вынул из рюкзака палатку и постелил. Пистолет положил рядом. Так, чтобы и дотянуться была возможность, и я мог взять оружие. Но нет, спасибо. Пистолетом не владею абсолютно.

Отсюда я смотрел наружу из пещеры – небо ослепительно синее, день в самом разгаре. Но мы всю ночь не спали – неудивительно, что Рета ко сну клонит. А Арвен устала от всего. Не стоило её брать с собой. Теперь получается, мы виноваты в том, что с ней. Разве не так?

Я наблюдал отсюда, как небо медленно темнело, тускнело по мере приближения вечера, и свет бил в пещеру всё менее ярко. Мясо догорало, и было ничуть не жаль его. Кусок сейчас в горло не полезет. Может, если с пивом? Я открутил крышку фляги и глотнул. В пиве появился неприятный привкус. Ещё рано выливать, но менять пора. Я залпом осушил фляжку и повесил на место. Теперь ждал, пока алкоголь подействует. Посмотрел на Арвен. Та завалилась на бок, продолжая обнимать колени. Вынув из рюкзака вторую палатку, я накрыл девушку. Сел на место, на согретое попой место совсем рядом с горящим костерком.

В голове медленно нарастал алкогольный шум, но легче не становилось. Наоборот, всё больше чувствовал себя виноватым за то, что произошло. Надо было Арвен сразу взять на руки и нести одному, а не вдвоём, заставляя хромать. Не она одна растерялась... Блин, вот я идиот. Если бы была возможность переиграть ситуацию, всё бы случилось по-другому. Эх...

Я бросил жадный взгляд на Рета, то есть на его фляжку. Того, что было у меня, мало. Хотелось ещё. С досадой вздохнув, пришлось перевести взгляд на пляшущие язычки огня, чтобы не дразнить себя. Тело животного догорало, и огонь выглядел не весёлым, а медленно умирающим, чахнувшим. Ну, всё, хватит с меня депрессивного настроения. Я встал и пошёл наружу. А оказавшись на песке, не сразу вспомнил, что мог оказаться в засаде. Но обошлось.

Пусто. Погонщики уехали, оставив нас. То ли испугались, то ли потеряли, то ли решили не встречаться с нами на короткой дистанции среди глиняных камней. А солнце медленно закатывалось за горизонт, окрасившись в грустные умирающие тона... Как тот костёр... Это издевательство! Весь мир внезапно сговорился и начал умирать. Может, тоже лечь на песок и притвориться мёртвым? Говорят, какие-то мелкие зверьки так делают. Ни разу не встречал таких, но нет причин не верить.

Я спустился вниз. Огонь догорал и освещал путь. Оказавшись возле костра, услышал стоны. Стонала Арвен. Её трясло, словно от холода. Я подошёл поближе и хотел подёргать за плечо, но тут же убрал руку. Показалось? Я неуверенно прикоснулся тыльной стороной ладони к её лбу. Девушка была горячая. Дело совсем плохо. Ей нужен врач.

– Рет! – крикнул я, поднимая Арвен на руки. – Вставай!

– А? Что? – тот вяло заозирался, сонно сощурился.

– Арвен совсем плохо! Мы уходим сейчас же! Собирай вещи, догонишь.

– Куда идём? – ответил Рет, поднимаясь на ноги. Начал собирать палатки, а я уже шёл наверх.

– В Третий Торговый ближе всего. Туда и пойдём.

Я бежал по песку, ноги тонули под двойным весом, но сейчас дорога каждая минута. Я не знаю, что с Арвен, но высокая температура, стоны и сильная дрожь – это что-то серьёзное.

– Что с ней? – услышал я сзади, Рет поравнялся со мной. – Она сама себя вылечить не может?

– Вряд ли. Вспомни её несколько часов назад. Даже рану на колене не стала обрабатывать. А сейчас её трясёт, словно от холода! А ещё вся горит, потрогай!

Мой напарник коснулся её лица и тут же убрал руку. Он понял, что дело серьёзное и сказал:

– Да, дело плохо. Устанешь – говори, поменяемся. Ты понесёшь рюкзак, а я девчонку. И так до самого города.

Я кивнул в ответ. Всё-таки не стоило брать её с собой.

Белые мстители

– Доктор, как она? – спросил я. Врач, высокий пожилой мужчина с седой бородкой и седыми волосами, говорил медленно, чётко произнося каждое слово:

– Дело в том, что она довела себя до крайнего истощения, физического и морального. К тому же пациентка потеряла много крови, рана на ноге плохо обработана, и потому есть риск заражения, я уже принял основные меры по профилактике последнего. Вдобавок ко всему вышесказанному, девушка провела много времени на холоде...

– На каком холоде? Вон, жара какая стоит! – запротестовал Рет.

– Здесь-то жарко, – доктор усмехнулся невежеству собеседника. – А вот в тени, ночью, если долго лежать, например, на голых камнях, можно легко простыть, что с вашей подругой, в общем, и случилось. Но это не всё. На почве глубокой подавленности, депрессии и стресса у вашей знакомой сильно ослаб иммунитет. В связи со всеми перечисленными факторами её ждёт долгая госпитализация. Возможно, месяц. И даже тогда я бы не стал гарантировать полное физическое выздоровление пациентки. Что до морального состояния, то об этом не может быть и речи. Здесь я бессилён, и лишь время поможет ей восстановиться. А в таком состоянии ослабленный организм будет особенно уязвим для инфекций и болезней, хоть и будет относительно надёжно защищён от них в нашей больнице в период лечения.

– Так она поправится? – спросил я в лоб. Меня начинали раздражать докторские термины и хождения вокруг да около.

– Насколько могу судить, да. Ваша знакомая находится в надёжных руках. Но встаёт ребром вопрос об оплате. Я не волонтёр, и мои лекарства – результат целенаправленных и долгих трудов.

– Рет, в пистолете остались патроны?

Мой компаньон достал оружие и вынул обойму. Пусто. Передёрнул затвор, и ТТ выплюнул последнюю пулю. Я выхватил патрон у Рета из рук и протянул доктору со словами:

– Это с лихвой покроет ваши расходы.

– А вы, как вижу, очень цените вашу знакомую. Что ж, обещаю, в физическом плане она полностью поправится. Вы свободны, – махнул доктор рукой и направился прочь.

Нам тут тоже, в принципе, делать нечего, а потому через пару минут я и Рет сидели в баре неподалёку и пили пиво. Дермальный вкус, не то, что в прошлый раз, но сейчас, если честно, мне почти без разницы, что в себя заливать. Только по настоянию Рета в моей кружке было пиво, а не что покрепче.

– Предлагаю свалить отсюда немедленно. О девчонке позаботятся, мы щедро заплатили.

– Рет, и не уговаривай. Мы за неё в ответе. Нужно удостовериться, – я сделал несколько больших глотков.

– В чём? Её вылечат и выпустят.

– А увидев наше отсутствие, сдадут в рабство. Она в своём состоянии даже «нет» сказать не сможет.

– Арвен знала, на что идёт.

– Вот именно, что не знала! Она думала, что будет спокойно ходить по миру и помогать всем, кому требуется помощь!

– Предлагаешь ждать целый месяц? Что мы будем делать? У нас нет ни товаров, ни...

– Возьмём контракт, здесь есть работа. Должна быть.

– Ты к ней привязался. Вот идиот! – Рет отпил полкружки залпом. А я задумался над его словами и кивнул:

– Возможно. Если не хочешь, можешь идти один.

– Нет, Кейнс. Наверно, это дико звучит, но я сам к тебе привязался, – он ткнул пальцем мне в грудь, затем откинулся назад, задирая голову. – Столько контрактов позади. Заново учить хрен знает какого компаньона, объяснять, привыкать...

– Ты так говоришь, будто до тебя я абсолютно ничего не умел.

Рет усмехнулся и начал загибать пальцы:

– Готовить еду в пустыне – я научил. Торговаться на рынке – я научил. Пить – я тебя учил. Всему! Ты только мечом махать умел, и то средне.

– А та подсечка? Помнишь? Этому Я тебя учил! Или выпад с прыжка? Тоже моя школа... моего отца, то есть... – последние слова прозвучали относительно тихо, а в голове расплывчато вспоминалось нелёгкое детство.

– Твоя правда! Подсечка – полезный приём. Но согласишься, до меня ты, кроме как драться, ничего не умел.

– А вот не соглашусь! Я без тебя несколько лет один жил и нормально, между прочим. К алкоголю до тебя был беспристрастен, и ничуть не жалею, – отпил из кружки, выиграв несколько секунд, чтобы выложить мысли в ряд. – Торговаться тоже умел, хоть и плохо. Еду с собой таскал в рюкзаке...

– Был наивным и доверчивым, как Арвен, до самой нашей встречи – перебил меня собеседник. – Но при этом хорошо дрался. Как ты таким вырос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.